

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ

САВВА
И АНГЕЛЫ

Криптозой

Василий Головачев

Савва и ангелы

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Головачев В. В.

Савва и ангелы / В. В. Головачев — «Эксмо»,
2015 — (Криптозой)

ISBN 978-5-699-84019-9

Майор Бекасов, сотрудник специального отдела контрразведки ФСБ, поневоле втягивается в опасное противостояние с теми, кто саму реальность превращает в «увлекательную компьютерную игру», больше напоминающую жесткую контртеррористическую операцию. Причем в роли «террористов» оказываются сам Бекасов и его друг, талантливый изобретатель Рудницкий, слишком близко подошедшие к осознанию истинных целей влиятельных геймеров, рвущихся к абсолютной власти...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84019-9

© Головачев В. В., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	38
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Василий Головачев

Савва и ангелы

© Головачёв В. В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

И если у Вселенной благая цель, почему в ней кроется подобное безумие?

Тим Леббон.

«Многоликий ужас»

Но в мире присутствовала и другая воля, которой я не видел, и исходила она не от людей.

В. Пелевин.

«Любовь к трём цукербринам»

Но бог, когда он покровительствует королям, пользуется людьми для исполнения своих намерений.

А. Дюма.

«Десять лет спустя»

Глава 1

Интродукция

Ицах отодвинулся назад и вниз, покрываясь туманной вуалью. Стало видно, что он располагается на колоссальной, прозрачно-голубой, вспыхивающей опаловыми искрами сфере. Примерно так бы выглядел земной остров посреди океана, будь сама Земля сплошной водяной каплей. Кое-где на дымчато-размытой поверхности сферы виднелись сложнейшие материальные образования, состоящие из пересечений разных геометрических форм, и громадные горные массивы неопределённых очертаний.

На горизонте сферы, называемой Метцах, появился серебристо-чёрный паучок, превратился в сверкающую драгоценными камнями многолучевую «морскую звезду».

Гость, наблюдавший трансформацию пейзажа, сосредоточился на «звезде» и оказался внутри неё. Это был замок Независимого Оператора метареальностей по имени Диаблинга, пригласившего в гости коллегу по иезоду контроля Гиперсети по имени Ювинга. Оба исполняли обязанности контролёров одного из уровней Гиперсети, хотя давно догадались, что являются «живыми» программами, подчинёнными замыслу Создателя, но приняли условия Игры и с удовольствием корректировали метажизнь реальностей нижних уровней, образующих систему инвариантов сущего. На их деятельность было наложено ограничение в виде префактического принципа обратной связи, что делало их зависимыми от воли Господина, называемого Выразителем Несогласия с Первозамыслом, но они были вполне самостоятельны в вопросах решения судебных нижних слоёв Гиперсети и довольствовались этим.

Разумеется, Ювингу ждали, иначе защитные системы замка Диаблинга не пропустили бы гостя, несмотря на его статус. Поэтому вышел он из «струны» виртуального движения непосредственно в главном гостевом зале замка, своеобразной гостиной, существующей одновременно в разных пространственных измерениях Метцаха. Эта гостиная служила также и модулем иезода, откуда оператор Диаблинга забавлялся тем, что «гонял» по границам метареальности ниже уровнем операторов этой реальности, заставляя их устранять возникающие спонтанно дисгармонии, бифуркации, неустойчивости и волеизъявления психики существ, обитающих в метареальности.

Гость с любопытством осмотрел гостиную, которая в настоящий момент представляла собой великолепный каньон, по дну которого извивалась голубая лента реки. Солнце стояло достаточно высоко, и величественные слоистые стены каньона были видны на всю его глубину, до галечных речных берегов.

С одного из склонов каньона посыпался на дно поток камней, порождая дробное гулкое эхо.

Кто-то засмеялся.

Ювинга оглянулся.

На соседней скале стоял хозяин замка, похожий на ожившую металлическую статую, и смотрел на гостя. Оба они – с виду люди с текучей – в пределах формы человеческого тела – наружностью, были похожи друг на друга впечатляющей мускулатурой и классическими, геометрически правильными абрисами лиц, но если Диаблинга не имел волос на лобастой голове и предпочитал коричнево-чёрную гамму внешней одежды, по сути – лучистой энергетической субстанции, то на голове Ювинга красовалась замысловатая причёска из серебристых волос, и он больше тяготел к золотисто-оранжево-красной цветовой гамме.

– Земля? – повёл подбородком гость на склоны каньона.

– Шестая метареальность, – кивнул Диаблинга.

Разговаривали они мысленно, хотя генерируемые ими мыслеформы звучали в сфере мыслеобмена как произнесённые вслух.

Каньон исчез. Зал гостиной замкнулся гнутыми, ребристыми, ажурными стенами, купол потолка засветился опаловым свечением, посреди зала соткалась из воздуха необычной формы конструкция – кожистое яйцо, обвитое спиралями выпуклых геометрических узоров и лепестков с нишами. Это была проекция иезода контроля, хотя сам иезод находился в миллионах лиг отсюда, на поверхности мира Ювинги – Ицаха.

Вокруг яйца одно за другим выскочили из пятнистого, зелёного с чёрным, пола кресла, столик из прозрачного материала, напоминающего искрящийся хрусталь, на столик опустилось блюдо с напитками и фруктами, многие из которых напоминали земные.

– Присядем, – пригласил гостя хозяин.

Кресла скользнули к ним, бережно приняли седоков.

Ювинга налил себе в кристаллический бокал фантоника: сосуд наполнился фиолетовой искрящейся пеной. Диаблинга предпочёл тёмно-рубиновый слэш, вскипающий дымными фонтанчиками.

– Слушаю тебя, брат, – сказал гость, поднимая бокал. – Надеюсь, ты оторвал меня от важных дел не ради философской беседы о смысле жизни?

– Смысл жизни мне недоступен, – усмехнулся Диаблинга, пригубивая свой напиток и цокая языком. – Превосходный вкус! Хотя и смысл смерти мне не понятен в абсолюте. Наш Создатель явно сам не знал, что такое смерть – наказание, возмездие или награда. Как ты думаешь, он карает нас или добивается справедливости? В то время как мы служим Его замыслу верой и правдой.

– Нас карают только те боги, которым мы поклоняемся.

– Но ведь кара и награда – не одно и то же?

– Всё в мире относительно, – пожал плечами Ювинга, – смерть в том числе. Но я проил бы перейти к делу, у меня действительно мало времени.

– У кого его много? Разве что у Вечности. Но ты прав, нет смысла философствовать накануне очередной бифуркации в Гиперсети. А она грядёт.

Ювинга тоже сделал глоток. Во рту зашипело, струя щекотливого сотрясения пронзила пищевод, разбрызгивая нашатырную свежесть со вкусом ягод таманика по всем сосудам. Захотелось бросить вызов кому-нибудь, и в особенности – Господину, опиравшемуся больше не на разум и знания, а на страсти и эмоции. Но Ювинга сдержал порыв, хотя подумал, что когда-нибудь он не устоит перед соблазном восстать.

– Есть предпосылки?

– Я их вижу.

– Уровень?

– Шестой, Метагалактика в периоде интенсивного аллогенеза, жёлтая звезда Солнце в периоде обслуживания социума на планете Земля. Ты давно туда не заглядывал?

– Два сезона точно.

– Обрати внимание. Социум кипит, войны сотрясают не только пространство, но и психику, коллективное бессознательное разрывается на фрагменты, что усугубляет процесс сильнейшей стагнации исторической памяти. Но меня больше интересует самое большое государство Земли – Россия.

– Чем же?

– Русский этнос больше всех настроен на создание сильных операторов, Персон Воли и Фигур Влияния, и есть признаки того, что такой оператор вот-вот появится.

– Почему это тебя взволновало?

– Не то чтобы уж, но игровая программа любого уровня не должна бунтовать, исполняя команды оператора высшего уровня, в данном случае – моего ставленника.

- Для тебя это проблема?
- Ты же знаешь моё отношение к проблемам.
- Если проблему можно разрешить, не стоит о ней беспокоиться, так?
- Если она неразрешима, беспокоиться о ней бессмысленно. – Дьяблिंगа сделал большой глоток, зажмурился, передёрнул плечами. – Пробивает насквозь, однако... Короче, я подумываю об активации СККО¹ и спуске программы в нижние уровни Сети.
- Разве ты её не запустил? – с недоверием поднял бровь Ювинга.
- Я запустил ПСП². Но ты же знаешь, игровую зону Земли корректируют операторы пятого уровня, а у них возник спор. Один стоит за слабый императив, оставляющий шанс естественному развитию событий, второй за более жёсткий вариант.
- Насколько мне известно, ПСП на земном уровне уже работает. Медицина, культура, язык – упрощаются, ТВ, Интернет, гаджет-технологии – усложняются, что способствует контролю. Чего ты хочешь ещё?
- Ускорить процесс развития человечества. Лучшие умы, к счастью, не дотягивающие до уровня Фигур Влияния, уже создали своё игровое пространство – Интернет, слабенькое подобие наших игровых пространств, на очереди нанотехнологии, которые открывают возможность селективно воздействовать на определённые этнические группы, климатическое оружие, геофизическое воздействие, но этого мало, нужен толчок, который ускорил бы прогресс, – Дьяблिंगа допил слэш, глаза его почернели, – а вместе с ним и завершил бы процесс глобального управления цивилизацией.
- Как ты собираешься это сделать?
- Скину оператору земного иезода корректирующую программу, начну с ликвидации зависимости человечества от природных ресурсов – нефти, газа, каменного угля. Пора переводить энергетику на уровень термояда. Жаль, что мы не можем вмешаться в жизнь нижних слоёв Сети персонально и вынуждены корректировать реальность с помощью подконтрольных систем – вещей, самих людей, технологий, социальных революций. А так было бы славно – спуститься вниз и навести порядок! Нет же, и над нами, как дамоклов меч, висит Искон!
- Протокол ограничений создан не нами.
- Абсолютно ненужная вещь!
- Иначе мы наломали бы дров, – покачал головой Ювинга.
- С благими намерениями? – надменно выпрямился Дьяблिंगа.
- Ты забыл, чем устлана дорога в ад?
- Эта формулировка не для нас.
- Для всех живущих. Прими дружеский совет: проконсультируйся с тем, кто стоит над нами. Я чувствую дискомфорт в ситуации, но не понимаю, насколько велика угроза коррекции. Кто из операторов земной метареальности жаждет ускорить процесс? Самсунг или Амазон?
- Первый. – Дьяблिंगа скривил губы. – Само Совершенство... как он себя величает. – Оператор Метцаха медленно выдохнул, глаза его начали светиться. – Впрочем, второй недалеко ушёл, называя себя Архангелом, целуй его душу!
- Ювинга улыбнулся.
- Знали бы они, на каком уровне обитают Ангелы. У твоего Совершенства есть игровой оператор?
- Конечно, есть, полковник Петров, Главное управление МВД России. Самсунг трусоват, несмотря на жёсткую риторику, в земную зону не полезет, спустит матрицу ПСП. Уже спустил.
- Я плохо знаю особенности земной игровой зоны, однако... не торопись ли ты?

¹ СККО – система контроля критических отклонений.

² ПСП – программа сужения параметра.

– Возможно, я и в самом деле перегибаю палку, как выражаются русские на Земле, но уверен, что оценил ситуацию верно. Мне не нужна Фигура Влияния в России, способная изменить всю игровую конфигурацию их уровня.

– Насколько мне известно, гиперслои Земли был создан как испытательный полигон именно для исследования вариантов взаимодействия волевых операторов. Почему ты опасаться появления ещё одного?

– Волевых операторов там достаточно: политиков, бандитов, террористов, убийц, – но все они легко поддаются контролю и манипулированию, а Персона Воли с экстравозможностями вряд ли потерпит контроль.

Ювинга допил тоник, не меняя выражения лица.

– Тебе говорили, что ты – копия Господина?

– В каком смысле? – Диаблинга пришёл в себя, хотя глаза оператора ещё продолжали шататься.

– Он тоже не терпит Персон Воли, не поддающихся контролю. Возможно, именно поэтому люди Земли называют его дьяволом.

Диаблинга пренебрежительно покачал пальцем.

– Оценки подпрограмм меня не волнуют. Хотя хочется услышать совет друга: какую дополнительную ПСП спустить в иезод земного контроля? Мягкую или жёсткую? Нейтрализовать угрозу волевой опухоли или посмотреть, что сделает Самсунг?

Ювинга положил в рот ломтик хамсы.

– Я не люблю давать советы, брат. У тех, кто им следует, появляется возможность обвинить дающего в ошибке. Я уже дал совет – найди консультанта поопытней. Но на твоём месте я бы не торопился с коррекцией земной реальности. Во всяком случае – до появления Фигуры Влияния.

– Будет поздно.

– Не знаю. Дай свободу Самсунгу, он ответит за всё.

Диаблинга рывком поднялся – текучий жидкий металл внутри фигуры человека, исчез и появился через несколько мгновений, уже определённой формы, с лицом телесного цвета и проваливающимися «внутрь себя» глазами. Но стыла в них не обида или неприязненное высокомерие, а задумчивость.

– Благодарю за советы, брат.

Зал приёма гостей снова превратился в каньон, уходивший, казалось, в бесконечность. Над ним пролетела птица, почти не шевеля роскошными огромными крыльями. С небес донёсся орлиный клёкот.

Ювинга встал, дружески протянул руку коллеге, кинул взгляд на птицу и усилием мысли воспарил над скалами, вылетел за пределы гостиной. Ещё раз, более внимательно, оглядел фрактально-безукоризненную «медузу» владений Диаблинга. Однако на этот раз она показала ему мрачно-зловещей, источающей флюиды угрозы и недовольства. Впечатление было такое, будто в замок вселилась некая сущность, которой не нравилась нерешительность хозяина, ищущего оправдания своей активности в нижних слоях Гиперсети. И, возможно, это было следствие посещения Метцаха самим Господином, остро реагирующим на поведение созданных им подпрограмм – живых обитателей метареальностей.

Вокруг тела Ювинги соткалось полупрозрачное облако несущего модуля, замок Диаблинга отодвинулся, превратился в паучка на безмерной сфере Метцаха. Затем сфера иной реальности, в которой источником энергии являлся процесс инфляционного расширения времени, повернулась и прыгнула навстречу, всасывая в себя модуль с пассажиром, и Ювинга оказался над немислимо сложным городом со множеством вычурных башен. Это было место обитания Ювинги, живущего в реальности гораздо более высокого порядка, нежели земная

метареальность, хотя и его вселенная не была абсолютно независимой, представляя собой один из слоёв Гиперсети.

Сосредоточившись на цели перехода, он заставил модуль двигаться быстрее и в состоянии «луча света» пересёк Ицах, пока не вонзился в свой замок, не менее совершенный и красивый, чем «медуза» Диаблинги.

Зал для приёма гостей был наполнен полутьмой и невидимым кипением тонких энергий, создающих впечатление таинственного многомерного бытия, доступного лишь существам с таким же многомерным восприятием. Под давлением мысли хозяина это невидимое нечто всколыхнулось и породило сияющую даль, почти мгновенно распавшуюся на удивительный мирный ландшафт: зелёные кущи, цветущие луга, величественные реки, цепи гор с белыми сверкающими вершинами, синее небо и две округлых глыбы в его глубине – спутники планеты, давшей материнскую – первородную матрицу для программирования Гиперсети.

Над зелёным ковром лесов возник невесомый золотистый мост, уходящий на горизонте в небесные пространства. По нему мчались странные экипажи наподобие того, что принёс Ювингу к дому, хотя пассажиров внутри полупрозрачных стремительных капсул видно не было.

Ювинга, склонив голову к плечу, полюбовался пейзажем, движением бровей убрал его, возвращая залу прежний вид, и подошёл к опрокинутой ажурной чаше, внутри которой тлел клочок тумана; это была проекция кокона иезода контроля, отличавшаяся от той, что стояла в гостиной Диаблинги, только формой. Оба могли оперировать программами подконтрольных уровней Сети, не перемещаясь в операционную зону самого иезода, называемую Всевидящим Оком.

«Откройся!» – мысленно приказал Ювинга.

Светящийся клуб тумана в коконе проекции вскипел, за несколько мгновений соткал из ничего трон контроля, и Ювинга занял его, привычно терпя прикосновения эффекторов, одевающих тело и голову в гиперслою игровой консоли. Ювинга почувствовал себя впаянным, как пчела в янтарь, в сферу непреодолимой силы, способной творить чудеса.

Кольцо тумана перед ним превратилось в разворачивающийся тоннель, в который он выпал вместе с тронем управления, и спустя мгновение оператор вылетел из тоннеля в бесконечное пространство, пронизанное красивой светящейся вуалью. Это была сетчато-волоконистая структура Метавселенной, давшей приют цивилизации шестого уровня – человеческой, обитавшей на планете Земля.

Мысль Ювинги оживила Метавселенную, по сути представлявшую собой виртуальную игровую реальность Гиперсети. Спирали и волокна гигантской системы, состоящие из галактик и звёзд, поплыли навстречу. Одна из них заняла всю видимую полусферу перед глазами оператора, начала увеличиваться, распадаться на скопления галактик, пока не осталась одна галактика – Млечный Путь, названная так людьми, обитателями планеты, двигающейся по орбите вокруг жёлтой Звезды – Солнца.

Вид галактики подействовал на Ювингу завораживающе. Большим эстетом он себя не считал, но потратил не одну минуту на чуть ли не мистически-восторженное созерцание многорукавной звёздной системы, подумав, что Создатель Гиперсети всё же обладал талантом художника, создав такие совершенные с эстетической точки зрения объекты.

Галактика помчалась навстречу, распадаясь на звёзды, пока перед взором оператора не возникла звезда, вокруг которой поплыли шарики планет и хвосты астероидов. Ювинга нашёл Землю, «прыгнул» к ней, привычно развернул планету в «бабочку», одно крыло которой представляло поверхность Земли со всеми материками и океанами, второе – развёртку внутреннего строения планеты.

Первое крыло ринулось навстречу, расплзаясь пятнами зелени, морской сини и коричневых горных цепей.

Ювинга окинул взглядом застывшие в воздухе самолёты, остановившиеся потоки машин на дорогах и улицах городов, толпы пешеходов. Так выглядело игровое пространство метареальности, поддерживаемое базовой программой развития Гиперсети. Ювинга находился вне этого пространства и не зависел от него, поэтому мог свободно останавливать время Земли – всю программу – и вообще выключать терминал управления. Хотя жители Земли эти остановки не ощущали, подчиняясь законам метареальности. Лишь редкие личности с большим метафизическим потенциалом осознавали своё положение и могли вмешиваться в программу – те, кого Диаблинга называл Персонами Воли и Фигурами Влияния. Тогда возникали локальные трансфузии – разрывы реальности, которые надо было «сшивать», чтобы уровень Сети не разрушался полностью. И занимались этим Высшие Геймеры – одиннадцать существ в иезоде контроля, старшими среди которых были Диаблинга и Ювинга.

Поскольку он давно не интересовался программой шестого уровня, на изучение ситуации на Земле и, в частности, в России пришлось потратить какое-то время.

Ювинга пропустил через сознание поток информации, сосредоточился на выявленных фигурах роста, способных преодолеть программный барьер, задумчиво пролистал их персональные характеристики.

Таких людей было немного, всего пять, причём во властных структурах России они не засветились, все занимали довольно скромные служебные должности в производственных центрах и узлах обслуживания программы. Но потенциал их был велик.

Ювинга пробежался по другим континентам Земли, отмечая «пси-опухоли» критических отклонений, и спустился в иезод пятого уровня, операторы которого непосредственно вели программу шестого слоя – вместе с Землёй.

В коконе управления иезода сидели три оператора.

Ювинга выбрал того, чьё имя звучало как Амазон – Арбитр-Мажор Зоны, хотя отзывался он и на короткое Архангел, несмотря на столь многозначительный псевдоним. Вряд ли Архангел понимал, что он тоже контролируется операторами выше уровнем, зато вполне мог вмешиваться в игровую программу, создающую Вселенную людей.

Внедрившись в его психику, Ювинга полистал «файлы» памяти оператора, занятые информацией о поддержке пассионарности России, поразмышлял над его планами и решил слегка подкорректировать их. Захотелось подтолкнуть несколько «пси-опухолей» русского этноса к самореализации, они вполне были готовы подняться выше своего уровня и стать Фигурами Влияния. Личностные параметры некоторых подпрограмм «светились» в диапазоне «божественных заповедей» и выглядели симпатично. Ювинга не прочь сам был бы иметь таких друзей.

Решено, подумал он, мимолётно представив озабоченную физиономию Диаблинга и улыбнувшись, посмотрим, что получится...

Глава 2

Охота за нефтяниками

Артём Клементьевич Голубенский любил отдыхать в компании с приятелями, среди которых были как работники Администрации президента, так и высокопоставленные чиновники, губернаторы и мэры многих городов России. В том числе – мэр Норильска, сорокачетырёхлетний Борис Ханюкович, с которым Голубенского связывали общие интересы, а именно – разработка нефтяных месторождений на Крайнем Севере.

Голубенский, владелец компании «Севернефть», вкладывал в это дело немалые деньги. Ханюкович помогал ему чем мог. Особенно – в сфере строительства «вспомогательных объектов дохода», то есть разрешал заниматься ещё и игорным бизнесом. Голубенский же поддерживал мэра во всех общественных начинаниях и помог Борису Дмитриевичу выиграть выборы.

Конечно, Голубенский предпочитал отдыхать за границей, имея коттеджи и фазенды в разных уголках мира, а также яхты и самолёты. Но и в родном Норильске он чувствовал себя комфортно, ибо отдых его был недоступен рядовым гражданам города. Во всяком случае, летняя резиденция Артёма Клементьевича «Крутая балка», расположенная всего в пятнадцати километрах от Норильска, на берегу небольшой речушки, впадающей в озеро Пясино, мало чем отличалась от президентской дачи «Бочаров ручей». Она имела всё, что нужно было человеку для VIP-отдыха, в том числе великолепный бассейн-пруд с подогреваемой водой, тренажёрный зал, комнаты отдыха, зал для приёма гостей, бильярдную, преферансную и множество подсобных помещений.

Тринадцатого июля, в пятницу (это число берём за точку отсчета), Голубенский отправился в свою резиденцию раньше обычного – сразу после обеда.

Во-первых, у него была запланирована там встреча с губернатором края и с важным китайским чиновником, который уже уговорил губернатора отдать в аренду часть норильской земли и теперь жаждал уговорить владельца «Севернефти» принять в альянс по разработке нового нефтяного пласта китайских бизнесменов.

Во-вторых, надо было отойти от вчерашнего отдыха в кругу друзей: Артём Клементьевич был приглашён на день рождения к известному бизнесмену и меценату Весельману, и торжество для него закончилось в пять часов утра. Со всеми вытекающими. Пришлось даже прибегать к услугам личного доктора.

В-третьих, в резиденции Голубенского ждала одна молодая особа, недавно выигравшая конкурс «Мисс Норильск». Естественно, это обстоятельство весьма подогревало интерес Голубенского к жизни вообще и к даче «Крутая балка» в частности.

В половине пятого Артём Клементьевич был уже в резиденции. Встретился с Ларисой – так звали «мисс Норильск», с удовольствием выпил вина и кофе. Дождался гостей и пригласил их в сауну. После чего настал черёд купания в бассейне.

Природа вокруг была потрясающе красива, светило солнце, температура воздуха поднялась до двадцати четырёх градусов по Цельсию, но воду в бассейне всё же пришлось подогревать. И никто не заметил, что к нему в густой траве тянутся зелёные проводки, исчезающие под плитам бортика. В самом бассейне эти проводки были оголены.

Особенно суетился вокруг хозяина дачи его телохранитель, бывший сотрудник спецназа МВД, капитан в отставке Вениамин Глыбов по кличке Глыба. Он несколько раз проверял температуру воды в бассейне и даже предупредил Артёма Клементьевича, что надо бы подождать, пока она согреется. Но Голубенский, уже хвативший коньячку, предупреждению не внял и полез в воду, демонстрируя неплохую фигуру: всё же он не зря занимался фитнесом и поигрывал в теннис.

Вслед за ним рискнул прыгнуть в бассейн и приезжий китайский чиновник по имени Лю Чжао. Алкоголь он не употреблял, но очень хотел показать свою готовность следовать за владельцем «Севернефти», куда бы тот ни направлялся.

Все гости с интересом смотрели на это шоу, не обращая внимания на Глыбу. Телохранитель же сделал кому-то какой-то знак и стал демонстративно раздеваться у бассейна, якобы собираясь последовать за хозяином.

Голубенский театрально взмахнул руками, нырнул, с шумом вынырнул, поплыл кролем. И в этот момент что-то произошло.

Ойкнул Лю Чжао, завертелся юлой на воде, пытаясь вытолкнуть застрявший в лёгких воздух.

Судорожно дёрнулся под водой Артём Клементьевич, сделал несколько странных движений и... стал погружаться в воду, безвольно обмякнув, раскинув руки и опустив голову.

– Что случилось? – удивлённо посмотрел на свиту обнажившийся до плавков мэр.

Глыба шагнул на бортик и по его ноге скользнула голубая электрическая змейка. Он заорал, подпрыгнул, упал на плитки, свалился с них на землю.

– Назад! – рявкнул губернатор, запоздало сообразив, что происходит.

Гости шарахнулись прочь.

Электрические искры веером разлетелись по стенкам бассейна и погасли.

На дно его опустились два тела – Голубенского и Лю Чжао. Их убил мощный разряд электротока, прошедший через воду.

Спасти обоих не удалось.

* * *

Эти буровые вышки, выросшие на восточном берегу Обской губы, недалеко от посёлка Новый Порт, можно было по праву назвать вершиной инженерной мысли. Они были разработаны русскими инженерами, и в их конструкции учитывались новейшие достижения науки и техники. Выглядели они потрясающе – как скелеты механических динозавров или как десантные корабли пришельцев, замысливших покорение Сибири.

Запуск новой нефтедобывающей станции состоялся четырнадцатого июля. Естественно, на это мероприятие слетелись и съехались десятки должностных лиц, отвечающих за развитие нефтегазовой промышленности России, в том числе – первый вице-премьер, отвечающий за нацпроекты. Вместе с ним смотрел за фонтаном «чёрного золота» и владелец нефтяной компании «Ямалнефть» Вячеслав Феллер, которому принадлежала идея разработки нефтяных залежей на Ямале.

Пуск буровых прошёл гладко, без происшествий. Гости измазали ладони в нефти, выпили шампанского и разбрелись по вертолётам, которые унесли их к аэропортам близлежащих городов. На станции остались лишь сам владелец компании и руководство нефтедобывающего комплекса, плюс специалисты-нефтяники, продолжавшие наладку оборудования.

Ждали компаньона господина Феллера, немецкого бизнесмена Ганса Эшке, который хотел лично удостовериться в запуске одной из самых крупных в регионе нефтедобывающих скважин.

Вячеслав Феллер, в прошлом – комсомольский работник, не любил одиночества, и его везде сопровождала свита, состоящая из охранников и каких-то молодых людей. Поговаривали, что это «бойфренды» Феллера, однако точно никто ничего не знал, и слухи оставались слухами.

После плотного обеда владелец «Ямалнефти» решил прогуляться по живописным окрестностям месторождения, благо погода благоприятствовала замыслу, переделся в технологичный и удобный комбинезон «Нейчетур» немецкого производства для туристических

походов по северным краям, подаренный ему компаньоном, и отправился к вышкам. Сопровождали его на этот раз только два телохранителя, с которыми он практически никогда не разговаривал.

Вышки не имели стандартных «гусakov» – специальных механизмов для откачки нефти. Их заменяли особой конструкции гидравлические насосы, также выглядевшие футуристическими «ракетами» необычной формы.

Полюбовавшись на одну такую «ракету», Феллер побрёл к следующей, и в этот момент насос величиной с гигантский экскаватор бесшумно провалился в возникшую внезапно дыру. Лишь потом из глубин земли донёлся рыдающий стон, грохот, гул и лязг. Раздались крики испуганных людей. Кто-то включил сирену, и её тоскливый вопль вспугнул тучу птиц на побережье.

Дыра стремительно расширилась, захватывая почти всё пространство с вышками. Одна за другой вышки и насосы исчезли в бездне, образовавшейся так быстро, будто под землёй произошёл ядерный взрыв. Хотя никакого взрыва не было, ни ядерного, ни обычного. Полость, в которую провалилась вся нефтедобывающая платформа, образовалась абсолютно неожиданно для людей.

Феллер не успел отскочить в сторону, в отличие от своих более реактивных телохранителей. Его увлекла за собой стальная громадина насоса.

Через минуту всё закончилось.

Люди перестали кричать.

Из пяти вышек уцелела лишь одна. На месте остальных зиял заполненный дымом и пылью провал, в котором ещё какое-то время что-то покряхтывало и гремело. Вскоре он заполнился поднявшейся снизу нефтью.

И стало совсем тихо.

* * *

К началу двадцать первого века Аляска, проданная американцам царём Александром II за гроши и воспетая ещё Джеком Лондоном, мало чем изменилась в демографическом, культурном и социальном отношении. Разве что претерпела изменения инфраструктура западной оконечности Американского материка: появились новые посёлки, дороги, прибавилось нефтяных вышек, протянулись новые нитки трубопроводов. Одна из таких трасс, видимая даже из космоса, пересекала всю Аляску до Порт-Кларенса, а её северный зигзаг прошёл всего в полукilометре от береговой линии моря Бофорта и достиг небольшого посёлка Уэлт-Шит, где совсем недавно выросла ещё одна нефтяная вышка.

Конечно, прокладывались трубопроводы в зоне вечной мерзлоты с соблюдением специальных технологий, на сваях с Т-образными вершинами. Эти сваи должны были предупредить разрушение трубопровода в случае сезонного таяния и появления пльвунув. Такие случаи уже имели место в Канаде, на Крайнем Севере Америки пока ничего подобного не происходило, и тем не менее из соображений экологической безопасности нефтепроводы строились именно по такой схеме.

Однако четырнадцатого июля весь километровый участок нефтепровода от вышки в Уэлт-Шите внезапно стал погружаться в почву, будто она по какой-то причине превратилась в болотную жижу, и рабочие, обслуживающие вышку, едва успели убраться от места необычного катаклизма.

Всё произошло так быстро, тихо и буднично, что никто ничего не понял.

Не было ни взрыва, ни землетрясения, ни извержения грязевого вулкана. Просто сваи одна за другой начали тонуть в земле, а заодно с ними утонул и нефтепровод вместе с вышкой.

Через час странный котлован заполнился дымящейся нефтью.

Посёлок Уэлт-Шит перестал существовать.

Глава 3

Игры ангелов

Игра становилась всё интересней, и Архангел увлёкся доработкой игровой зоны, с удовольствием отвечая на маневры коллеги, которого все геймеры называли Самсунгом или – Само Совершенство, хотя он и наломал дров во время недавних коррекций земной метареальности, допустив несколько войн, едва не опустивших подконтрольное человечество в яму всеобщего вымирания.

Конечно, игровую зону под названием «метавселенная земного континуума» создавал не Архангел и его коллеги, проводившие в этой зоне – гигантском аккаунте, объединявшем миллионы компьютеров по «облачным» технологиям, – больше времени, чем в родной реальности. Эта реальность, будучи слоем Гиперсети, о чём геймеры, в том числе Архангел и Самсунг, не имели понятия, была примерно такого же порядка, что и «метавселенная игровой зоны», но с более сложной композицией базовых элементарных частиц. Это был мир иной мерности, больше трёх, но меньше четырёх, что сказывалось и на физической структуре Мироздания.

Если Вселенную человечества породил так называемый Большой Взрыв, после чего спустя тринадцать миллиардов лет образовалась сетчато-волоконистая структура, базой которой послужили звёздные скопления – галактики, то мир Архангела был рождён Большим Выдохом Бога, в результате чего вакуум вспенился и образовал волоконистую материальную структуру – Великий Мох, основой которой стала невообразимо сложная «пена» из материальных волокон, в пустотах между которыми – сапиенсы называли их войдами, как и люди в своей метавселенной, – загорелись светила – энергосгустки, в которых время трансформировалось в пространство. Соотечественники Архангела именовали их светозарами, в отличие от людей, называвших свои энергоисточники звёздами. Космос для сапиенсов не был непреодолимым препятствием, так как в любой район Великого Мха можно было добраться вдоль волокон, абсолютно не похожих на планеты Солнечной системы. В пустоты – войды просто не было нужды выходить, хотя попытки такие были, и транспорт для преодоления гигантских «пустотных» расстояний уже существовал.

Родным Кустом Мха для Архангела был Царцах, или Царское Село, размеры которого соответствовали размерам Солнечной системы, и он ещё в молодости пересёк его из конца в конец, а иногда забирался и гораздо дальше, к другим войдам с другими светозарами. Но странником по Мху не стал, предпочитая иные развлечения и объекты для изучения. Формально Царцахом, а можно сказать, и всем слоем метареальности управлял Сенат, и Архангел предпочёл быть избранным в его члены со всеми вытекающими отсюда полномочиями и привилегиями.

Вряд ли люди Земли, как называли действующие персоны-подпрограммы игры сапиенсы-геймеры, существа трёхмерного восприятия реальности, смогли бы ориентироваться в мире Архангела, несмотря на то что Создатель Гиперсети во всех её игровых зонах варьировал именно земные условия существования. Создавал он Сеть по образу и подобию Фундаментальной или материнской реальности, но её характеристики были очень близки к земным, потому что Безусловно Первый Творец именно земную реальность – легендарный «Рай» – и принял за образец чистоты и непорочности. Это уже потом геймеры, искажавшие условия-программу Сети, довели её до состояния клоаки – чудовищной «раковой опухоли», где было возможно любое проявление несогласия с Первозамыслом, отрицание всех норм общественного поведения, всех базовых «божественных» заповедей, любое антиморальное поведение.

Естественно, и жизнь сапиенсов, соотечественников Архангела, отличалась от жизни людей – обитателей Земли, воплотив принципы, в большей степени способствующие научно-техническому прогрессу, нежели морально-этическому совершенствованию. Десятки и сотни миллионов сапиенсов давно обжили почти все Кусты Мха вокруг Царцаха и занимались в основном поисками зрелищ и удовольствий, привыкнув пользоваться автоматизированной сферой обслуживания, достигшей высочайшего уровня, и теми, кто эту сферу конструировал, создавал и продвигал.

Творческим поиском занимались считанные единицы из десяти миллиардов обитателей Царцаха и юзеров, забавлявшихся играми в виртуальных вселенных, одной из которых и была метареальность Земли, жители которой практически ничем не отличались от соотечественников Архангела, имевших разве что больше возможностей для изменения своих тел, что зачастую доходило до абсурда, когда очередной «модный бодизайнер» на ежегодном конкурсе всепланетной бодидури показывал коллекцию монстров, имеющих разное количество и разную форму конечностей, голов и наростов.

Утром восьмого маргуста периода Недвижности, – центральный светозар системы не заходил три дня, оставаясь в локусе выбора конфигурации планет (соотечественники Архангела принимали это положение светила естественным результатом действия законов физики, хотя на самом деле поддерживалась реальность манипуляциями игроков высшего уровня по сравнению с их реальностью), – Архангел вошёл в иезод контроля игровых полей в добром расположении духа. Он решил все свои личные проблемы, распределил шестерых детей по пансионатам, сменил подругу, наметил приобретение нового коттеджа в окрестностях ближайшей планеты с великолепным видом на вулкан и желал одного – осчастливить кого-нибудь из симпатичных ему людей на планете Земля.

Его встретили тишина и полумрак.

Все геймеры были на месте, и все торчали в игровом сервере, играя роль «высших сил», изменяющих те или иные состояния земного социума и вселенского пространства в зависимости от настроения каждого геймера.

Коконь управления, внутри которых, как семечки в тыкве, располагались операторы, играли огнями, пульсировали и звенели. Игра шла по-крупному, решалась судьба сразу четырёх военных конфликтов на Земле: в Сирии, Ираке, на севере Африки и в Украине. Операторы с упоением «двигали фигурами» по «доске истории», соревнуясь друг с другом в создании или нейтрализации критических ситуаций. Им было интересно, чем закончится очередное противостояние «сил несогласия» и «добрых намерений», которое в истории человечества всегда вызревало кровавым, провоцируя вмешательство главных контролёров – Архангела и Самсунга.

Архангел занял своё место, прокачал через сознание поток информации о состоянии дел на планете, внимательно изучил ситуацию с гибелью нефтяников.

Ситуация не понравилась. Пришла мысль подкорректировать её в позитивную сторону, причём так, чтобы об этом не догадались ни коллеги-геймеры, ни Само Совершенство.

Архангел составил план воздействия на ситуацию, подыскал в России несколько ярких индивидуальностей разного плана, подстроил их окружение и ввёл префактическое условие развития благодатного тренда, потенциал которого хватало для роста волевой фигуры с высокими экстрасенсорными параметрами.

«С вами ваши боги!» – мысленно, с иронической усмешкой, проговорил Архангел, активируя программу изменения метаматериальности командой «Ввод».

Глава 4

Заботы людей

Телефон разрядился на слове «дело».

Савва Бекасов лениво надавил на зелёную кнопочку, посмотрел на экранчик мобильного, где высветилась надпись: «Батарея разряжена», – и снова закрыл глаза.

Он лежал в шезлонге, в тени беседки. Было жарко. Слабый ветерок изредка приносил прохладу и запахи цветущих трав. Жужжали пчёлы. Лежать было приятно, и ни о чём не хотелось думать. Бекасов имел полное право ни о чём не думать, потому что находился в законном отпуске, на даче под Волоколамском, и загорал здесь уже четвёртые сутки в блаженном расслаблении.

– Кто звонил? – долетел до него тихий голос жены.

Лень было отвечать, но он всё же нашёл силы буркнуть:

– Старшина.

– Чего он хотел?

– Не знаю. – Савва и вправду не успел выяснить, чего хотел полковник, но догадывался, что речь идёт о задании.

– Есть дело... – сказал полковник Иван Поликарпович Старшинин по кличке Старшина, и означать это могло только одно: отпуск кончился.

– Лиля, дай свой мобильник, мой гавкнулся.

Через минуту жена в одном купальнике, – в отличие от мужа она лежала под стеной коттеджа и загорала, – принесла телефон. Бекасов потыкал пальцем в кнопочки, набрал номер полковника:

– Иван Поликарпович? Что случилось?

– Ты где? – спросил Старшинин.

– На Кипре, – хотел соврать Бекасов, но сказал правду: – На даче.

– Жду через два часа. Успеешь?

– Я в отпуске, – вяло возмутился Савва.

– Главный требует результата, понял?

– Понедельник – день тяжёлый, – сделал Бекасов ещё одну попытку возразить.

– Могу прислать вертолёт, – отрезал Старшинин.

– Не надо, – сказал Савва, прощаясь с отдыхом.

Старшинин выключил связь.

– Когда тебя ждать? – хмыкнула жена, отлично разбираясь в результатах подобных переговоров мужа с начальством.

Савва посмотрел на неё, загорелую, красивую, милую, желанную, и ему вообще расхотелось ехать в Управление.

– Не знаю, – честно признался он.

– Понятно.

– Зато мне дали два часа времени. Час на дорогу, час на...

– А успеешь? – лукаво прищурилась Лиля.

Бекасов выбрался из шезлонга и подхватил жену на руки...

В два часа с минутами он вошёл в кабинет полковника, расположенный на втором этаже Управления контрразведки ФСБ. Старшинин уже больше года руководил отделом специальных расследований, который занимался изучением эзотерического наследия России, её тайной истории, социопсихических тенденций и непознанных явлений природы. Бекасова, майора, следователя по особо важным делам, он перетащил к себе из военной контрразведки, и теперь

они работали вместе. Полковник обещал повысить его в звании, но пока не преуспел в своих намерениях: штат не позволял. В отделе работали всего девять человек, в основном – бывшие гражданские специалисты в области психологии коллективов и нелинейного программирования, учёные-физики, астрономы и медики. Все они стали подполковниками, и Бекасову с его радиотехническим образованием, не имевшему научного звания доктора, повышение не светило. Впрочем, его это не расстраивало. Работа оказалась интересной, он был независим от руководства и мог получить допуск практически к любой закрытой теме или секретным документам.

– Садись, – поднял голову над столом Старшинин.

Худой, мосластый, длиннорукий, с ёжиком седых волос, он казался старше своего возраста, на самом же деле Иван Поликарпович был всего на семь лет старше тридцатичетырёхлетнего Бекасова. На собеседника полковник всегда смотрел строго и оценивающе, хотя юмор понимал и шутки ценил.

– Может быть, мне добавили звёздочку? – с надеждой спросил Савва.

– За что? – с интересом задал ответный вопрос Иван Поликарпович.

– За непричинение государству большого вреда.

– Твой ущерб ещё не подсчитан. Как только подсчитают – чего-нибудь дадут.

– Срок? – улыбнулся Савва.

– Чего это ты такой весёлый? – подозрительно хмыкнул Старшинин.

– Надеюсь, что это учебная тревога. Хочу полностью насладиться отпуском. Кстати, со своей женой. Помните анекдот? Крысы предупредили капитана, что у них учебная тревога, и попрыгали за борт.

– Ну, и? – подождал продолжения начальник отдела.

Бекасов засмеялся.

– В этом и заключается соль анекдота.

– Дурацкий анекдот. На вот, читай. – Старшинин подсунил майору стопку листов бумаги с текстом.

Савва пробежал их глазами, поцокал языком.

– Интересно...

– Что?

– Куча жмуриков, катастрофы, и все связаны с нефтью...

– Поручено разобраться со всей этой кучей жмуриков. Ты уже брался за такие дела, включайся в тему.

Савва покачал головой, ещё раз прочитал предложенный полковником пакет донесений, вспоминая почему-то события десятилетней давности, когда его, молодого лейтенанта спецназа МВД, пригласили поучаствовать в международном чемпионате подразделений специального назначения на приз короля Иордании.

Россию должны были представить сотрудники спецназа МВД Южного федерального округа, а Савва в то время служил в Нальчике и считался лучшим бойцом-рукопашником сил быстрого реагирования, три года подряд становясь чемпионом округа по боям без правил.

Чемпионат в Королевском центре подготовки сил специального назначения в Аммане (KASOTC) проводился уже не раз, и участие в нём было престижным, так как во всех смыслах, в том числе и в политическом, он показывал превосходство подготовки спецназа той или иной страны и его возможности. И ещё не было случая, чтобы российский спецназ проигрывал, хотя готовились к чемпионату серьёзно все участники.

Впрочем, несмотря на ожесточённое сопротивление китайских «шандоуджи» и бойцов иорданской королевской гвардии, и в этот раз русский спецназ был вне конкуренции (хвалёные американские рейнджеры оказались лишь на четвёртом месте), победив соперников почти по всем дисциплинам: в стрельбе, выносливости, скорости и слаженности действий, в бою

в городских условиях и на местности, а также в рукопашных сражениях, в которых отличился и Савва. Он вышел победителем во всех схватках, после чего и был замечен командованием военной контрразведки, а через год переведен в Центральный федеральный округ.

– Ты меня не слушаешь? – донёлся голос Старшинина.

– Прошу прощения, товарищ полковник, – встрепенулся Савва. – Слушаю.

В материале, который ему передал начальник Управления, речь шла о гибели трёх владельцев нефтяных компаний, активно включившихся в разведку и добычу нефти на Крайнем Севере России, и о странных катастрофах, в результате которых оказались разрушенными только что построенные нефтедобывающие комплексы в количестве четырёх штук. Мало того, в пакете были сведения и о гибели двух американских нефтяных магнатов, а также о необычных авариях на американско-канадских нефтяных скважинах и нефтепроводах. Плюс информация о катастрофе в Анголе, в провинции Мбанья, где начали добывать нефть, и о гибели начальника геологической разведочной партии Чукотского автономного округа, который занимался разведкой новых нефтяных месторождений.

«Артём Клементьевич Голубенский, – прочитал Савва, – президент компании «Севернефть». Родился в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году, окончил Московский физико-технический институт. Работал в банке МЕНАТЕП начальником инвестиционного отдела, потом директором по стратегическому планированию. Два года жил в Лондоне. Вернулся в две тысячи четырнадцатом году и стал первым вице-президентом компании «Севернефть».

Бекасов поднял голову.

– Может быть, его свои убрали за какие-то прегрешения? Торганул нефтью за спинами компаньонов...

– Он сам себе хозяин, – сказал Старшинин. – Лети в Норильск. Там уже работает следственная бригада важняков МВД и генпрокуратуры, плюс наши ребята из бюро расследований. Вся информацию получишь от них. Но, судя по всему, это не стандартная разборка. Голубенского не за что было убирать. Как и его китайского гостя.

– И тем не менее кто-то подвёл к бассейну провода и включил ток лишь тогда, когда в бассейн прыгнул Голубенский.

– Это детали. Смотри глубже. Все перечисленные в материале случаи описывают некий криминал в нефтедобывающей сфере. Четыре чудовищных аварии с добывающими станциями, причём новейшими, безопасными на сто процентов. Пять жмуриков, и все – нефтяные магнаты, охраняемые, как золотой запас страны, активно вкладывающие деньги в разведку новых месторождений нефти и газа. О чём это говорит?

– Не знаю.

– Вот и я не знаю. Из Норильска полетишь на Ямал, где до сих пор ищут тело Вячеслава Феллера. Там теперь нефтяное озеро на месте катаклизма. И обрати пристальное внимание на ещё одного нашего добытчика нефти, недавно рискнувшего заложить скважину на Новой Земле.

– Там тоже нашли нефть?

– Нашли. И очень много. Финны спохватились, но уже было поздно.

– Понял. Когда лететь?

– Вчера. Разматываешь это дело – главный тебе звёздочку-то и добавит. Обещал.

– Дело не в звёздочке, – усмехнулся Савва. – Очень необычный вывод напрашивается.

– Не торопись с выводами. Поработай с материалом, а главное – с людьми. Возможно, мы ещё не всё знаем. Деньги, экипировку получишь, как обычно, в Снабе. Вопросы?

– Разрешите выполнять, товарищ полковник? – сделал официальное лицо Бекасов.

Старшинин поглядел на него снизу вверх, развёл руками:

– Извини, догуляешь отпуск сразу после возвращения. – Он подумал и добавил: – Если лето не кончится.

Бекетов пожал ему протянутую руку и вышел, уже размышляя над заданием. Ему и в самом деле было интересно, что случилось с нефтяными баронами.

* * *

Пятнадцатого июля он прилетел в Норильск в шесть часов утра по местному времени. Его встретил хмурый лейтенант из Чукотского управления ФСБ и доставил на дачу погибшего Голубенского, по пути рассказав о сложившейся ситуации. Из его слов выходило, что дело взял под контроль лично генеральный прокурор России и теперь всем здесь руководил его представитель, генерал юстиции, зам генпрокурора Геннадий Феоктистович Огурейщик.

– Ничего, прорвёмся, – сказал Бекасов, имея на руках карт-бланш на любые следственные мероприятия.

На территорию дачи его пропустили беспрепятственно.

Лето было в разгаре. Температура воздуха в Норильске дошла до отметки двадцать пять градусов. Савва снял куртку и прошёлся вокруг коттеджа налегке, ощущая желание полежать где-нибудь на ветерке. Но голос охранника привёл его к действительности.

– Здесь ходить не положено.

– Мне положено, – рассеянно сказал Бекасов, показывая удостоверение офицера ФСБ. – Покажите бассейн.

Охранник поколебался немного, но всё же повёл гостя за дом, к бассейну.

Савва осмотрел его со всех сторон, полюбовался на вытащенные из воды проводки, убившие Голубенского и китайца.

– Вы были свидетелем происшествия?

– Свои показания я уже дал, – буркнул охранник.

Бекасов с интересом посмотрел на его не отягощённое интеллектом лицо.

– Давайте договоримся. Либо вы отвечаете на мои вопросы здесь и сейчас, либо вас привезут ко мне в Управление, и вы всё равно отвечаете на вопросы. Что вам больше нравится?

Охранник набычился, отвёл глаза.

– Чего надо?

– Вы видели, как это произошло?

– Ну... издали... я охранял коттедж.

– Ничего подозрительного не заметили?

Охранник пожал плечами, сплюнул.

– Ничего не знаю. – Он вдруг оживился. – Глыба так смешно упал... и вообще суетился.

– Кто это – Глыба?

– Веня... Глыбов... телохран Артёма Клементьевича.

– Где он сейчас?

– Да кто ж его знает?

– Больше ничего странного не заметили?

Лицо парня стало совсем скучным, он посмотрел за спину Бекасова. Савва оглянулся. К ним подходил моложавый мужчина в тёмно-синем костюме, с галстуком. За ним шёл парень в джинсе и семенил милиционер с погонами подполковника, плотного телосложения, коренастый, лет сорока пяти, с квадратным, бледным, каким-то рыхлым лицом.

– Кто такой? – отрывисто спросил мужчина, окинув Бекасова неприязненным взглядом. Глаза у него были водянистые, навывкате. Это был заместитель генпрокурора Огурейщик.

– Майор Бекасов, – вежливо представился Савва. – Управление «А», отдел «спирит».

– Это дело находится в юрисдикции Генпрокуратуры. Ваше Управление должно согласовывать свои действия со мной.

Бекасов молча достал красно-чёрно-золотую «корочку» особых полномочий, на которой была выдавлена его фамилия.

Подняв брови, заместитель генпрокурора повертел в пальцах удостоверение, вернул владельцу.

– Не понимаю, чем заинтересовало это дело федералов вашего уровня.

– Хочу разобраться, – сказал Бекасов. – Разрешите действовать по своему плану?

Огурейщик насупился, пожевал губами.

– Только не мешайте.

– Постараюсь, – кротко пообещал Савва.

Зам генпрокурора величественно удалился. Сопровождавший его телохранитель прикрыл его своей спиной. Милицейский подполковник бросил на Бекасова странный оценивающий взгляд, поспешил за большим начальником.

– Ну так это... – переступил с ноги на ногу парень в черном комбинезоне. – Я больше не нужен?

– Где мне всё-таки можно найти этого вашего Глыбу?

– Спросите у ребят в доме, они должны знать.

– Благодарю. – Бекасов направился к коттеджу, бросил через плечо: – Свободен.

В коттедж его пропустили с небольшой заминкой, пришлось снова показывать удостоверение. Внизу, в холле с мраморными полами, тусовались какие-то личности в штатском, прощмыгивали молодые девушки, на которых никто не обращал внимания.

– Мне нужен Вениамин Глыбов, – обратился Савва к одному из парней в штатском.

Тот молча махнул рукой в сторону лестницы на второй этаж, по которой спускались в холл трое мужчин. Один из них выделялся мощной фигурой и особым выражением лица, которое можно было охарактеризовать словами: «ожидание приказа».

– Глыбов? – подошёл к нему Савва.

Парень покосился на него, и его взгляд Савве не понравился. В глазах телохранителя нефтебарона пряталось злое понимание ситуации.

– Ну?

Бекасов раскрыл и закрыл свои «корочки».

– Отойдём.

– Эй, вы кто? – хмуро поинтересовался мужчина, сопровождавший Глыбова.

– Управление «А» ФСБ, – ответил Бекасов. – Извините, я его не задержу.

– А допуск у вас есть?

– Кто бы меня сюда пропустил без допуска?

– Ладно, у вас пара минут. Мы едем в Норильск.

Савва отвёл телохранителя к диванчику, окружённому пальмами.

– Вы были свидетелем трагедии. Как это случилось?

– Я уже рассказывал следователю.

– Расскажите ещё раз и поподробней.

Глыба почесал мясистый загривок, начал вспоминать подробности происшедших двое суток назад событий. Из его слов вырисовывалась картина покушения на Голубенского, предпринятая некими «конкурентами» и блестяще исполненная какими-то киллерами. У следствия даже имелись подозрения насчёт этих киллеров, так как в картотеке МВД нашлись случаи умерщвления людей с помощью электричества.

– Как же вы не заметили провода? – спросил Бекасов. – Разве телохранители не обязаны принимать превентивные меры безопасности?

– Меня самого чуть не убило! – окрысился Глыба. – И я не обязан следить за бассейном. Другие есть.

– Кто?

– Тут за всем народ смотрит, специально обученный, вот с него и спрашивайте.

– А чего это вы так нервничаете? – поинтересовался Савва, снова отмечая неожиданно умный, понимающий взгляд телохранителя. – Я же вас не спрашиваю, почему вы остались живы, а ваш босс мёртв.

– Да пошёл ты! – грубо буркнул Глыба. – Не имеешь права меня допрашивать. Пожалуюсь прокурору, он тебя...

– Попробуй, – перебил его Савва. – Даже интересно, что получится. Могу сказать только одно: потребуется – тебя в Москву в наручниках доставят на допрос. Гуляй пока, супермен. Но если ты мне не всё рассказал – пеняй на себя.

– Эй, что вы там? – оглянулся на них второй мужчина, ширококоротый, с тяжёлым подбородком. – Глыбов, ты скоро?

– А чего он? Офигел вообще! Начинает угро...

Бекасов не стал дожидаться окончания фразы, ловко выхватил у телохранителя из руки мобильник, мгновенно всунул в открытый рот, тут же вынул обратно, вернул телефон.

– Так что ты там хотел сказать, уважаемый? Повтори, не расслышал.

Глыбов закрыл рот, ошеломлённо посмотрел на сопровождающих. Те нахмурились, оценивающе оглядели Савву.

– Жонглёр, что ли? – неприязненно буркнул первый мужчина.

– Представьтесь, пожалуйста, – сказал Бекасов. – Буду знать, с кем имею дело.

Мужчины переглянулись.

Первый взял Глыбу под руку.

– Пошли, некогда нам.

Второй ещё раз смерил Савву нехорошим взглядом.

– Смотри, довыпендриваешься, майор. Мы тут всяких повидали.

Бекасов, улыбнувшись, достал мобильник, работающий в данный момент как микромагнитофон, щёлкнул нужной кнопкой. Из динамика телефона раздался тихий голос:

– Смотри, довыпендриваешься, майор. Мы тут всяких повидали.

– Чистейшей воды угроза, не так ли, господин местный начальник? А я при исполнении. Развивать мысль дальше? Кстати, мысль только тогда мысль, когда её головой думают. Это я насчёт вашего совета. Запись вашего приятного голоса я оставлю себе на память, хотя в любой момент она может оказаться у кого надо. Будете помогать? Или поговорим о всяких, кого вы тут видали?

Лицо мужчины налилось кровью. Он пожевал губами, подбирая выражение, но сдержался.

– Зря ты сюда приехал...

– Меня прислали. С кем имею честь приятно беседовать?

– Полковник Фофанов, начальник Управления ФСБ Норильска.

– Коллега, значит? – удивился Бекасов. – Что же вы такой неласковый? Я же у вас хлеб не отнимаю. Вы делаете своё дело, я своё.

– Я позвоню, чтобы тебя...

Савва сделал официальное лицо.

– Это пожалуйста, звоните. Только потом не удивляйтесь результату. Кстати, мне этот человек, – Савва кивнул на Глыбова, – ещё нужен, поэтому просьба оставить его здесь.

Брови Фофанова полезли на лоб.

– Ты с ума сошёл, майор? Да я... – начальник Норильского ФСБ осёкся.

– Это пока просьба, – сделал ударение на последнем слове Бекасов. – Но я могу добиться и письменного распоряжения Папы. Надо?

Мужчина сцепил челюсти. Было видно, что он еле сдерживается. Папой сотрудники ФСБ звали его директора.

– Нет.

– Отлично. Надеюсь, мы ещё встретимся.

Фофанов движением руки остановил сотрудника, собравшегося увести Глыбова.

– Оставь его... иди к машине. – Он посмотрел на Бекасова. – Майор, один вопрос: что ты хочешь здесь найти?

– Сам не знаю, – честно ответил Савва. – Но это не первое убийство нефтяного магната за последний месяц. Третье, понимаете? А если учесть американцев, ангольцев и других, то шестое. Кому они помешали?

На лицо начальника ФСБ легла задумчивость. Он отошёл, ничего не говоря. Что-то сказал Глыбову. Телохранитель Голубенского растерянно посмотрел на Бекасова.

– Побудьте здесь, – равнодушно сказал Савва. – Я пообщаюсь со следователями, и мы продолжим разговор.

Он оставил шокированного таким поворотом дела Глыбова за спиной, нашёл давешнего знакомого, заместителя генпрокурора, поговорил с ним. Выслушал пространные рассуждения следователя от прокуратуры, затем скупой рассказ следователя из МВД. Побродил по коттеджу. Посмотрел на тело Голубенского в роскошном гробу, возле которого стояли и сидели мужчины и женщины в чёрных платках. Гроб с телом китайца находился в другой комнате коттеджа, где тихо млели китайцы из диппредставительства. Они собрались в скором времени забрать своего соотечественника.

Бекетов вернулся к бассейну и осмотрел его со всех сторон, отмечая искусный выбор строителей акта, нашедших единственно правильный путь подвода проводов от трансформаторной будки за двухметровым забором. Киллеры хорошо знали местность и территорию коттеджа и были уверены, что результатов их деятельности никто не заметит. Никто и в самом деле ничего не увидел: ни подозрительных людей, ни проложенных проводов. Мало того, киллеры точно знали, что хозяин дачи будет принимать гостей и что наверняка полезет в бассейн.

Савва покачал головой.

Жертв могло быть гораздо больше. Те, кто планировал убийство, вряд ли стали бы ждать, чтобы Голубенский остался в бассейне один, и включили бы ток, даже если бы туда попрыгали все гости.

И ещё одно соображение пришло на ум Савве: действовали свои. Только окружавшие Голубенского люди могли скрытно подвести к бассейну провода и подготовить «электрический стул» к безошибочному использованию по назначению.

Глава 5

Две стратегии

Разнообразие интересов выбранной Персоны Воли удивили Архангела, не ожидавшего такой креативности от подпрограммы, лишь внешне похожей на сапиенса, но не обладавшей такими возможностями, как соотечественники Архангела.

Персону звали Кешей – Иннокентием Рудницким, был он достаточно молод – ему пошёл тридцать первый год, окончил Московский научно-исследовательский ядерный университет и работал в национальном российском инновационном центре Сколково – руководил лабораторией перспективных радиотехнических систем. При этом он увлекался космологией и астрофизикой, создавая теорию фундаментального моделирования всего сущего, и участвовал в разработке онлайн-игры «Бич времён». Кроме того, Иннокентий читал лекции по теории запредельных ультравысокочастотных генераторов в самом Сколково и занимался расчётами антивирусных программ для лаборатории Касперского.

Заинтересовал Архангела и друг Иннокентия Савва Бекасов, с которым будущий радиоинженер и аййтишник учился в школе. Савва занимался воинскими искусствами с детства, развил недюжинные способности в экстрасенсорном восприятии, стал мастером единоборств и недавно начал работать в Управлении «А» Федеральной службы безопасности России, занимающемся изучением аномальных явлений природы в приложении к поддержанию безопасности страны.

Оба россиянина заслуживали того, чтобы внимательно присмотреться к их устремлениям и целям и в случае необходимости подключить к ним «ангела-хранителя» – программу якобы случайных совпадений при спасении жизни, тем более что Самсунг тоже обратил внимание на этих парней, но решил ограничить их свободу, скорректировав программу ПСП.

Втайне от него Архангел подсоединился к задатчику программ метареальности Земли и с интересом понаблюдал за действиями подопечных.

Кеша-Иннокентий завершал свою работу в области «теории всего» и явно выбивался из уровня, обладая исключительно высоким IQ. Савва Бекасов проявлял себя принципиально справедливой личностью и явно двигался к конфликту с командой ПСП, расследуя дело о гибели нефтяного магната Голубенского. Программу запустил Самсунг, считая себя истинным владыкой Игры в последней инстанции, рассчитывая подтолкнуть человечество к отказу от использования нефти и газа и к выходу на другие технологии энергообеспечения. Но эта программа требовала физической ликвидации людей, что резко противоречило мировоззрению и характеру Архангела, поэтому он, запустив «телохранителя», решил всё-таки обсудить с коллегой возникшую этическую проблему и пригласил его к себе домой.

Встреча состоялась в гостиной Архангела, которую он превратил в берег озера с песчаным пляжем и живописными скалами, а потом, зная эстетические предпочтения гостя, сотворил ночь, море, туманные поля и три спутника планеты, пробившие в тумане призрачные тоннели.

Само Совершенство не оценил попытку хозяина создать приятный гостю интерьер для беседы, у него было плохое настроение. Он и от застолья отказался, сухо заметив, что не голоден и торопится. Кота хозяина, у которого то пропадала четвёртая нога, то появлялась, – утром Архангел наблюдал редкое явление – кот ходил на двух ногах! – Самсунг пнул ногой, отчего зверь с мявом исчез вообще; Архангел знал эту особенность характера коллеги и сделал вид, что ничего не заметил.

Разговаривали стоя.

Архангел был одет в домашний оранжевый пижамет с позументами и золотыми кистями, Само Совершенство – в чёрно-коричневый уник со множеством планок, нашивок, печатей и подвесок.

Гость не присел ни на минуту, хотя Архангел приготовил уютный уголок для отдыха – два удобных кресла с подстройкой геометрии под физические особенности тела гостя и его эмоции и столик с напитками.

– Вы нарушаете условия царскосельских договорённостей, – сказал Самсунг.

– Какие условия? – удивился Архангел.

Речь шла о передаче прав на участие в игре с земной метареальностью, происходящей в царскосельском Зале Конфедерации сапиенсов, что осуществлялось с незапамятных времён, со времени Ухода Создателя метареальности. С тех пор участвовать в игре могли только заслуживавшие этого поощрения геймеры-сапиенсы.

– В области разграничения полномочий. За игровую зону мы отвечаем вместе, уважаемый коллега, но вы постоянно вмешиваетесь в мои поля ответственности, мешая мне проводить оптимальную внешнюю политику.

Архангел огорчился.

– По-моему, я действую строго в рамках моего права.

– Ваши права касаются моментов образования, культуры и медицины, где вы – царь и бог, как говорят наши подопечные. Но вы начинаете вмешиваться в науку и политику, что чревато непредсказуемыми последствиями.

Архангел огорчился ещё больше.

– Вы так расстроены... чем конкретно? Где я наступил вам на мозоль?

– Что?

– Извините, это идиома, которыми так богата социальная сфера наших подопечных. Где я вам помешал?

– Я начал развивать тренд перезагрузки земной метареальности на новые технологии, а вы задействовали программу контрразведки и мешаете мне осуществлять задуманное.

– Я и не собирался...

– Ваш посланник начинает проявлять волевые качества, успокойте его или отзовите. Я долго терпеть не буду.

– Но я действительно никого не посылал...

Самсунг высокомерно поднял голову.

– Я вас предупредил, коллега. Не мешайте мне! Мы вместе взяли под контроль главные тренды метареальности, и наша задача – не допустить её вырождения и распада.

– Однако ваши методы контроля неэтичны, коллега, – укоризненно заметил Архангел. – Силовые воздействия, как правило, должны обговариваться всеми геймерами.

– Ерунда, мы всего лишь участвуем в большой игре, – фыркнул Самсунг, – имеющей многовариантную программу. Каждый из нас вправе изменять эту программу и вести себя так, как считает нужным.

– Согласен, но при этом мы не должны изменять базовые параметры программы.

– Что вы имеете в виду?

– Вы слишком небрежны к ценностным ориентирам метареальности, к примеру, к праву людей, обитателей игровой зоны, на жизнь.

– Эти обитатели – всего лишь подпрограммы...

– В базовые параметры игры вписано условие максимального содействия развитию свободы личности и творческого потенциала людей.

– Вот я и пытаюсь увеличить этот творческий потенциал, а вы мне ставите палки в колёса.

– Не ставлю, но вынужден буду создать Трибунал геймеров.

– Сзывайте, мне есть что предъявить Трибуналу. Будьте осторожны, коллега, вмешательство в мои дела чревато последствиями. Занимайтесь лучше своими делами, их у вас достаточно, и я вам не мешаю менять условия игры.

– Вы мне угрожаете, коллега? – недоверчиво поднял брови Архангел.

– Ну что вы, коллега, только предупреждаю. Всего хорошего. – Самсунг небрежно поклонился и вышел из гостиной походкой танцора.

Архангел покачал головой, глядя ему вслед, проговорил с задумчивым сожалением:

– Я знаю, что вы не идиот, коллега, который притворяется придурком, но должен признаться, притворяетесь вы талантливо.

Гостиная вернула прежний пейзаж солнечного дня на берегу озера.

Архангел прошёлся по крупному песку, сцепив руки за спиной, вошёл в беседку, посидел, зачарованно глядя на воду и танец шестикрылых эльфов над ней, потом движением бровей превратил беседку в кожистое яйцо – копию иезода контроля. Решение созрело окончательно. Коррекция игровой зоны, предложенная оператором, требовала введения сдерживающего фактора. Оставлять земную метареальность, метко прозванную геймерами «запрещённой», на произвол судьбы, а точнее – на произвол оператора, было неправильно. Он мог зайти слишком далеко в своих замыслах «ускорить прогресс» человечества.

До вечерних звёзд Архангел работал с Большим Умным Облаком, как фамильярно называли операторы гигантскую, объединённую сеть мгновенной связи, систему счётных машин мира Архангела, способную поддерживать игровую метареальность, по сути – Подвселенную, где родилась разумная подсистема – человечество. Определил параметры команды ПСП, активированной коллегой, разработал программу её ограничения и запустил как вирус, с мимолётной усмешкой подумав, что в этом есть нечто символическое: вирус в метареальности Земли имел формат женщины. Только женщина имела шанс заинтересовать обоих протезе и заставить их сопротивляться давлению программы ПСП.

Поздним вечером Архангел договорился с друзьями посетить живой аттракцион перехода из тела в тело с трансформацией сознания и вызвал транспортный модуль; представление синайской трансцирковой группы должно было состояться в зале эйдомузыкальных представлений Сатори-холла в Зороастр-зале Царцаха. Однако уже в кабине модуля к нему пришло неуютное ощущение постороннего присутствия, чувство дежавю, будто он что-то упустил из виду, и Архангел заставил себя оглядеться.

Коттедж оператора представлял собой замкнутую биосистему и одновременно сложный архитектурный ансамбль, повторяющий формы цветочных бутонов, и располагался он на Плато Небес, возвышающемся над бесконечной Равниной: вселенная Архангела, рождённая фантазией сапиенсов высшего уровня как игровая зона, представляла собой «сетчато-волоконистый пакет» drobных измерений и замыкалась сама на себя как не имеющий границ объект – Великие Мхи. Разумеется, ни обитатели мира сапиенсы, ни геймеры, ни операторы уровня Архангела и Самсунга не знали, что эта вселенная – лишь один из слоёв Гиперсети, составляющих «матрёшку» Мироздания, игровая метареальность разной сложности, от самой простой, двумерной, до фундаментальной, материнской. А поскольку Создатель Гиперсети не видел своего творения без конкуренции и конфликтов, то и в Царцахе шли войны – не за справедливое воздаяние или кусок хлеба, но за власть и право распоряжаться гигантскими ресурсами игры.

Впрочем, причина такого положения дел была недоступна ни Архангелу, ни Самсунгу, ни тем более рядовым сапиенсам. Они воспринимали свою реальность такой, какой она им казалась, существуя «вечно».

– Уточните адрес, – мягко попросил автопилот модуля.

Архангел ещё раз огляделся, возбуждая экстрасенсорнику организма до состояния просветления.

Над Плато Небес царили тишина и покой, в отличие от нижней Равнины, накрытой плотным слоем аэротранспорта. Её населяли обычные сапиенсы, обыватели, юзеры, для которых игра являлась лишь развлечением, а не объектом контроля. Менять её условия они не могли, в отличие от бригады геймеров.

Юзеры делились на пять каст, соперничавших между собой в выращивании геймеров-управленцев. Честных и самоотверженных по природе сапиенсов оформляли в касту Искренних, умных – в касту Эрудированных, бесконфликтных и коммуникабельных – в сообщество Дружелюбных, это была самая массовая этническая группа, смелых и бескомпромиссных записывали в касту Бесстрашных, честолюбивых и пробивных – в касту Предпринимателей.

Касты не являлись закреплёнными пожизненно, родившиеся от носителей одной могли перейти в другую, если хватало сил, возможностей и желания. Но чтобы стать активным геймером, любому сапиенсу надо было сильно постараться. Замечали только успешных трудящихся, достигших определённых результатов, а тем более – дельцов, и за их жизнью постоянно следили Защитники Закона, имеющие свою Службу Защиты. Она же блюла и общественный порядок, и работу законов, принимаемых Сенатом и Правительством, и охраняла обитателей Плато Небес. Над ним то и дело проносились в высоте сине-белые стрелы Защитников, пресекающие попытки молодёжи нижней Равнины похулиганить над Базой Свободной Жизни, как называли сапиенсы Плато.

Вот и сейчас над башнями и замками обитателей Плато медленно летел модуль СЗ, приближаясь к коттеджу Архангела, и это его почему-то беспокоило, так как в памяти вдруг всплыли слова коллеги: «Будьте осторожны... не мешайте мне». Если сам Архангел родился в семье Эрудированных сапиенсов и сравнительно легко дошёл до верхнего уровня касты, выдвинувшего его в геймеры, то Самсунг пробивался из самых низов – фракции Агрессивных Предпринимателей, и о его подъёме по служебным лестницам ходили легенды.

Модуль Службы Защиты, похожий на голову хищной птицы, сделав круг над коттеджем Архангела, начал снижаться.

– Хранитель, – вызвал Архангел своего личного Защитника. – Ситуация «оранжевая опасность»!

– Основание, экселенц? – отреагировал Умник, с которым Архангел всегда был на связи.

– Предвидение.

– Включаю систему.

Вокруг коттеджа бесшумно встала переливчатая прозрачная пелена энергобарьера, куполом накрыла верхний «бутон» коттеджа.

Архангел выбрался из модуля, ещё не решив, что будет делать дальше.

К нему подсккали защитные мобы, напоминающие гигантских кузнечиков. Хранитель продолжал разворачивать систему охраны хозяина, активируя разные уровни обеспечения безопасности. На памяти Архангела это случалось всего дважды, во время «нижних майдан-бунтов», когда власть в Царстве пытались захватить последователи теории «цветных революций», и Правительству приходилось объявлять режим чрезвычайного положения. Кстати, именно «майданутые свободолюбы» пытались внести своё мировоззрение и в программу игровой метареальности, в результате чего начало двадцать первого века на Земле ознаменовалось десятком войн, а «чёрная дыра этики» человечества – Соединённые Штаты Америки – развернула почти зеркально отражённую смену власти в государствах метареальности Земли – Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии и Украине – с помощью террора и ультрарадикальных «майданных революций». С этой инициацией беспредела Архангелу и Самсунгу, да и другим геймерам, ещё надо было работать и работать, чтобы не допустить разрушения всей программы.

Модуль СЗ завис над куполом энергополя.

– Запроси гостей, – приказал Архангел. – Что им нужно?

– Запросил, ответа нет.

Модуль внезапно выстрелил: синяя молния разряда воткнулась в почти невидимый купол, растекаясь по нему сеточкой гаснущих микромолний.

«Кузнечики» личной охраны оператора подскочили в воздух, эмитируя защитный полевой кокон.

– Вызывай ББР!

– Вызвал, – отозвался компьютер.

Речь шла о бригаде быстрого реагирования Защитного департамента Сената.

Оружием владеть обитатели Плато не имели права, поэтому надо было ждать прибытия специальных сил.

Модуль СЗ выстрелил ещё раз.

Молния разряда смяла защитный купол над коттеджем, превращаясь в водопад крохотных радуг, каждая из которых свободно пробивала стены строений, беседки и стволы деревьев.

Надо было активировать бункер, пришла запоздалая здравая мысль.

Кто знал?! – возразил сам себе Архангел. Кому понадобился этот спектакль?!

Модуль спикировал на площадку, на которой стоял хозяин коттеджа, однако выстрелить не успел.

Из-за крон зелёных насаждений вокруг усадьбы вывернулась тройка таких же сине-белых машин, сверкнули огненные сполохи разрядов, и машина, ведомая неизвестными нападавшими, взорвалась, превращаясь в сгусток яркого белого пламени.

За мгновение до взрыва Архангелу показалось, что он слышит некий ехидный смешок. А потом снова вспомнились слова Самсунга: «Будьте осторожны, коллега...» Не означает ли это, что начинается новый передел активов на Плато Небес? Одновременно со сменой игровой парадигмы? На кого-то надо опереться, чтобы выжить. Но на кого? Не на касту же «майдану-тых». И не на чиновников Думы, заботящихся только о себе.

На кого?..

Глава 6

Сюрприз

До обеда Савва осматривал окрестности посёлка, прикидывал количество киллеров и возможности группы, которая прекрасно подготовила покушение на президента компании «Севернефть», составил план действий на следующий день.

Вернулся в коттедж, поискал Глыбу. Телохранителя нигде не было видно. Уехали и фээсбэшники. Куда подевался Вениамин Глыбов, никто сказать не мог.

– Да он же вроде шатался тут с Петровым, – вспомнил один из охранников коттеджа.

– Кто такой Петров?

– Начальник УВД Норильска.

Бекасов вспомнил подполковника милиции, семенящего за Огурейщиком, и его прицельный прищур глаз. В груди похолодело.

– Где они ходили?

– Сначала вокруг дома, потом зашли вроде в дом.

Бекасов прошёлся по первому этажу коттеджа, заглядывая в комнаты и туалеты, поднялся на второй этаж. В одной из спален послышалась возня. Бекасов деликатно постучал, подождал немного, потянул за ручку. Дверь открылась.

Спальня была шикарной, как и всё в этом богатом «гнездышке олигарха».

Двухспальная кровать, размером с футбольное поле, под красивым атласным одеялом. Трюмо в золотой раме. Бельевой шкафчик из вишнёвого дерева с резными углами. Ковёр во весь пол «под траву». Светильники в виде торчащих из стен фаллосов из молочного стекла. Окно чуть ли не во всю стену, с регулируемой затемнённой, без штор.

Но не это привлекло внимание Саввы.

На кровати лежал Глыба, не раздетый, в ботинках. И, судя по неподвижному взгляду в потолок, он был мёртв.

Бекасов подошёл ближе.

В шее бывшего телохрана Голубенского торчала лопаточка для чистки ногтей, с перламутровой ручкой. Убить человека такой лопаточкой трудно, однако вошла она аккуратно в сонную артерию, что говорило о большом опыте киллера, и Глыбов умер мгновенно.

Дверь сзади с грохотом распахнулась.

– Руки! – заорали в два голоса ворвавшиеся в спальню милиционеры. – За голову! К стене!

Бекасов оглянулся.

Его держали на прицеле автоматов именно милиционеры – сержант и лейтенант, а не спецназовцы. А в коридоре за дверью стоял начальник милиции Норильска, качаясь с носка на пятку, руки в карманах брюк, и смотрел, прищурясь, на майора, словно решал задачу: убить его сейчас или попозже.

Допрос вели трое, в той же спальне: следователь от милиции, какой-то мужчина в штатском и начальник УВД, то и дело говоривший с кем-то по мобильнику.

Бекасов спокойно ответил на все вопросы, вежливо попросил телефон – у него всё отобрали, – чтобы позвонить в Москву.

– Тебе он уже не понадобится, – буркнул мужчина в штатском, посмотрел на подполковника. – Отпечатки пальцев сняли?

– Умный, гад, – криво улыбнулся следователь, – успел стереть все отпечатки.

– Тогда вы ничего не докажете.

– Докажем, – с нажимом сказал начальник УВД.

Мужчина посмотрел на часы, направился к двери.

– Отпечатки должны быть. Разработайте мотивацию.

Дверь закрылась.

– Послушайте, – проникновенно сказал Бекасов, понимая, что его позиция слабеет. – Зачем вам это нужно? Я ведь выполняю задание вышестоящего начальства и до сегодняшнего дня не знал ни Голубенского, ни его телохранителя. Приедет следственная комиссия из центра и во всём разберётся.

– Что тебе рассказал Глыбов? – пропустил мимо ушей его тираду подполковник.

– Ничего существенного.

– Зачем ты его искал?

– Поговорить. Интересно всё же, почему так просто можно убить хорошо охраняемого человека. А Глыбов был ближе всех к покойнику. Может быть, он всё и устроил?

Следователь и начальник УВД переглянулись.

– Зачем ты убил Глыбова? – заученно повторил следователь.

Савва вздохнул.

– Не надоело задавать idiotские вопросы? Вы же знаете, что я не убивал его. Кстати, пошёл он погулять вместе с вами. – Савва глянул на подполковника. – Есть свидетели. Значит, его смерть была вам полезна? Почему? Что он знал такое, что никто больше знать не должен? Или я прав, и его убрали как исполнителя?

Начальник УВД пошёл к двери.

– Запиши в протокол, что он косвенно признался в содеянном.

– Дерьмо! – сказал ему в спину Бекасов. – Я же всё равно докопаюсь до истины.

Подполковник оглянулся, пожевал губами, поманил из коридора вооружённых милиционеров.

– В машину его, повезём в Управление.

– Э-э, что тут у вас происходит? – В коридоре возник начальник Норильского отдела ФСБ. Его сопровождал тот же мужчина, что и раньше.

– Да вот, Арсений Саркисович, этот московский гусь убил Глыбова.

Все расступились.

Фофанов хмуро оглядел тело на кровати, повернулся к Бекасову.

– Ты что, майор, совсем офонарел? Зачем тебе это понадобилось?

– А вы и в самом деле идиот или прикидываетесь? – крутанул желваки на щеках Савва. – Глыбова и убили потому, что кто-то сильно не хочет, чтобы мы разобрались в происшествии. Требую освободить меня! Немедленно! Я приехал не убивать свидетелей, а выяснить причину убийства Голубенского. Задержание при отсутствии доказательств буду считать намеренным срывом выполнения данного мне приказа. Со всеми вытекающими.

Фофанов наклонил голову к плечу, подумал, переводя взгляд с Бекасова на труп и обратно, обронил следователю:

– Освободите его.

– Но он задержан в...

– Освободите! Он поедет со мной.

– Арсений Саркисович... – начал нервно подполковник.

– С вами я ещё разберусь, Семён Петрович. Не понимаю, какая муха вас укусила. Вам будет трудно доказать вину майора. А на разработку мотивации требуется время.

Начальник УВД нехотя кивнул милиционеру:

– Сними.

Лейтенант с автоматом под мышкой снял с Бекасова наручники.

– Ничего, это не надолго.

– Верейский!

- Прошу прощения, товарищ подполковник.
- Верните документы, – сказал Савва, растирая запястья рук, – и мобильник.
- Он записал на мобилу... – заикнулся следователь.
- Верните.

Бекасову вернули отобранные вещи.

Он оглядел лица всех присутствующих, качнул головой.

- Хреновый спектакль, господа защитники Отечества. Интересно, на кого он рассчитан?

Я ведь обо всём доложу начальству.

- Доживи сначала до... – начал следователь.

- Заткнитесь! – сверкнул глазами начальник ФСБ. – Много говорите, мало делаете.

Не надо было убивать Глыбу... так примитивно.

- Мы напишем, что он умер от электрошока.

- Пишите. – Фофанов махнул рукой. – Идёмте со мной, майор.

- Куда?

- В машину.

- Я должен выполнить задание... А вы должны содействовать мне в этом.

- Поговорим по дороге.

Сбитый с толку уверенностью главного эфэсбиста Норильска, Савва последовал за ним.

Суматоха в коттедже постепенно сошла на нет. То ли его обитатели и гости не знали о новом убийстве, то ли им было не до того.

Заместитель генпрокурора отбыл в неизвестном направлении. Он сделал своё дело, и теперь следствие развивалось по утверждённому сценарию. Этот сценарий Бекасову и изложил Фофанов в своём джипе.

– Чушь собачья! – фыркнул Савва, не зная, что делать дальше: сопротивляться, действовать вопреки советам или передать инициативу Старшину. – Вы же знаете, что Голубенского убрал Глыбов. А его убили, чтобы держал язык за зубами.

- Это недоказуемо.

- Значит, вы тоже участвовали в разработке плана устранения Голубенского. Я не прав?

– Я всего лишь прикрываю операцию, – с мрачной полуулыбкой проговорил начальник ФСБ Норильска. – Работали другие люди.

– И вы так спокойно об этом говорите?! – поразился Савва. – Мне, представителю конторы из центра? За мной стоит сам Папа!

Это была неправда, директор ФСБ не курировал расследование лично и не следил за работой отдела «спирит». Но Фофанов не должен был знать о таких вещах.

- Ну и что? – сказал он. – За тобой всего лишь контора, за мной – Земля.

- Какая земля? – не понял Бекетов.

- Планета такая. Единственная населённая планета во всей метареальности.

- Шутите?

- Какие уж тут шутки. Я сам об этом не знал... до убийства господина Голубенского.

Открылась дверца джипа, в салон заглянул мужчина, который допрашивал Бекасова вместе с начальником УВД и следователем.

- Помощь нужна?

- Беседую пока, – сказал Фофанов. – Может, попозже.

Мужчина остро глянул на Бекасова, закрыл дверцу.

- Начальник? – кивнул на дверцу Савва.

– Координатор, – ответил главный чекист Норильска. – Не пытайся угадывать, всё равно не поверишь, несмотря на весь свой опыт. Ты показался мне умным человеком, поэтому я и трачу на тебя время.

- А если бы я был идиотом?

– Идиоты в вашем отделе не работают. Хотя недалёких людей хватает. Но к делу. Тебя ведь послали не только в Норильск? – Фофанов сыграл бровью. – Наверно, ещё и на Ямал полетишь?

Бекасов внутренне поёжился.

Местное отделение ФСБ не должно было знать о его планах.

– Допустим.

– Полковник Старшинин тоже умный человек, хотя и он не догадывается о масштабе коррекции. Выводу он не поверит.

– Какой коррекции? – тупо спросил Савва.

Фофанов усмехнулся.

– Я реагировал точно так же. У меня всего несколько минут. Поэтому слушай и не перебивай. Поверишь – будем сотрудничать, не поверишь...

– Вы меня «замочите», как Глыбу.

Фофанов поморщился.

– Кретин Петров перестарался. Вот он как раз занимает должность не по праву, поэтому криминальная обстановка в городе плохая. Ничего, с ним мы разберёмся.

– Кто это – мы?

– Не спеши, обо всём по порядку. Ты, наверно, знаешь, что нефть в мире начинают качать всё больше и больше, несмотря на уже найденные нетрадиционные источники энергии. Для нефтебаронов это единственная возможность жить при коммунизме.

– Из-за этого вы их и убиваете?

– Не из-за этого. Мы пытаемся ограничить нефтебодычу и сориентировать людей на переход к иным видам энергии. Но они не внемлют. Так дальше продолжаться не может. Прогресс тормозится искусственно, с «нефтяной иглы» надо слезать, и мы этому способствуем.

– Кто мы?

– Служба коррекции планетарного масштаба, – серьёзно сказал Фофанов. – В России этим будем заниматься мы, получившие задание от оператора метареальности другого уровня, в других странах – другие люди. Опыта у нас мало, это правда, поэтому мы иногда ошибаемся. Но у нас нет выбора, как нет его у человечества. Понимаешь?

– Не понимаю, – пробормотал Савва. – Чтобы предупредить людей, можно найти другие методы воздействия.

– Мы пробовали, ничего не помогает. Ни нефтяные короли, ни правительства, сидящие на «нефтяной игле», не хотят менять подходы к Земле как к обыкновенному поставщику природных богатств. А это неправильно. Остановить их может только катастрофа. Поэтому нам приходится корректировать действия подпрограмм Земли...

– Кого?

– Людей, разумеется. Пора выходить в космос на других технологиях, иначе вы так и останетесь привязанными к поверхности планет.

– Значит, вы в таком случае пришельцы?

Фофанов криво усмехнулся.

– В какой-то мере пришельцы, хотя и не с других звёзд. Но об этом мы ещё поговорим... если договоримся.

– Но вы убиваете людей...

– Это вынужденная мера. Люди вроде Голубенского – практически отморозки, им недоступна логика такого уровня. Конечно, мы пытаемся с ними беседовать, но...

– Понятно. На Ямале вы тоже поработали?

– На Ямале поработали другие носители ПСП.

– Чего?

– Ты задаёшь слишком много вопросов, майор. Давай прежде обсудим проблему. Будешь работать с нами? Нам такие люди нужны. Зомбирование идиотов, как правило, не даёт хорошего результата. Пример – Петров.

Бекасов поднял голову.

– Вы... зомбируете... помощников?

– Редко, но приходится. Соответствующие средства уже разработаны.

– Вы и меня запрограммируете?

– Не хотелось бы. Зомбированные люди рано впадают в маразм.

– Спасибо.

– Не за что.

– Зама генпрокурора вы тоже запрограммировали?

– Зачем? Он нам не нужен. Итак, ты с нами?

– Нет. – Савва шибко потёр темя. – Не знаю... надо подумать. Хотелось бы знать, кого вы представляете, кто за вами стоит, какова общая стратегия... э-э, коррекции... кстати, почему вы называете Землю метареальностью? Что это означает? Ну и так далее...

– Согласишься работать с нами – узнаешь всё. Подумай, я пока покурю. – Начальник ФСБ Норильска похлопал его по плечу, вылез из джипа.

А Савва вдруг представил, что по всей стране сейчас бродят носители программы ПСП, готовые убить любого человека, который не согласится с ними работать, и поёжился. Работать с неведомыми «ускорителями прогресса», рискуя каждый раз честью и жизнью, убивать ни в чём не повинных людей не хотелось. Даже во имя величайшего прогресса и выхода в космос! И всё же, и всё же... мысль ушла, но тут же вернулась.

И всё же нельзя так! Нельзя убивать людей за то, что они ничего не понимают и заботятся только о себе. Насильственная «коррекция» уже давно применяется на Земле – теми же американцами, и ведёт она только к разрушению и хаосу. Как говорится: пусть бог не вмешивается! Люди сами должны справиться со своей внутренней чернотой и недалёковидностью. Пастухи им не нужны.

Савва посмотрел на свои кулаки.

Если он решит действовать по своим внутренним оценкам, по совести, чем закончится его встреча с «корректорами»? Его запрограммируют? Или сил хватит, чтобы отбиться?

Допустим, он справится с нападением. Что дальше? Поверит ли Старшинин в его доводы? Или всё закончится тем же – зомбированием, но уже с «летальным исходом»?

Голубенский – отморозок. Чёрт с ним! Но таких, как он, много. Всех «мочить»? Или попытаться найти тему для понимания? Не все же идиоты?

Господи, как поступить? По закону или по совести?

В стекло дверцы деликатно постучали.

Савва помедлил, набирая в грудь воздуха, открыл дверцу джипа, вылез.

На него смотрели пять пар глаз.

Напротив стояли Фофанов с сигаретой в руке и мужчина-следователь, который допрашивал Бекасова в гостиной Голубенского и заглядывал в машину. Кроме того, слева и справа от джипа расположились трое крупногабаритных парней в строгих костюмах, с галстуками, олицетворяя собой охрану полковника. Руки они держали сложенными на животах, готовые взяться за оружие.

У Саввы засосало под ложечкой. Противник был серьёзный, и знание приёмов боя не гарантировало успеха, тем более что Фофанов оговорился насчёт применения гипнотической техники: «средств хватает». Начнут драться? Или сразу включат «глушак», отключающий мозги? С другой стороны – не становиться же и в самом деле на их сторону? Как потом глядеть в глаза Старшинину? Жене, друзьям? Вообще честным людям? Лучше умереть?

– Решили? – остро посмотрел на него следователь. У него было узкое бледное лицо с чёрными глазами, в которых дымились презрение и угроза.

– Нет, – коротко ответил Савва.

Мужчины переглянулись.

– Нет – это в смысле не решили?

– Нет – это значит нет.

Фофанов затянулся, выбросил окурочок.

– Я почти не сомневался в ответе, майор. Вы смелый человек, но недалёкий, я ошибся с оценкой. Хотите, предскажу, чем закончится наша встреча?

– Он записывает, – предупредил следователь. – Не надо было отдавать мобилу.

– Пусть записывает, его мобила останется у нас. Так вот, майор, вариант номер один. Мы сварганим ситуацию, при которой вы убиваете Глыбова, а мои люди убивают вас – при попытке сопротивления, и я докладываю Папе об этом прискорбном инциденте. Вариант номер два: мы вас зомбируем, и вы какое-то время, может, год, может, чуть больше, работаете в нашей команде. После чего попадаете в автокатастрофу. Выбирайте, что для вас предпочтительней.

Савва покачал головой, исподволь готовясь к активации психики для внезапной атаки; при этом у него появлялся шанс остаться в живых, хоть и небольшой.

– А вы уверены, полковник, что я здесь один?

Фофанов прищурился, разглядывая обманчиво простодушное лицо Саввы, в то время как его спутник осматривал коттедж Голубенского, бродивших по его территории оперативников МВД и въезд на территорию с закрытыми воротами.

– Гонит пургу, – пробормотал он.

– Проверьте, – пожал плечами Савва.

Фофанов сделал знак каменным парням.

Один из них сунул руку под борт пиджака, сделал шаг вперёд.

Савва призраком сорвался с места, понимая, что больше шансов отбиться у него не будет. Туго свистнул ветер в ушах. Время почти остановило свой бег: движения всех мужчин возле джипа стали неспешными, тягучими, как при замедленной съёмке.

Удар костяшками согнутых пальцев в сонную артерию, рука нырнула под пиджак парня, под его ладонь, ухватила рубчатую рукоять пистолета в плечевом захвате, выдернула. Ствол (обыкновенный «Волк» российского производства, слава богу, не психотронный генератор) глянул на почти не двинувшегося с места полковника.

– Стоять! Всем!

Телохранитель Фофанова в этот момент схватился за горло, осел на плиты площадки.

Парни поодаль, сам полковник и следователь, в полной тишине проводили его глазами. Следователь перевёл взгляд на Савву, медленно понёс руку к пиджаку.

Савва качнул головой.

– Не стоит рисковать, любезный, у меня есть все основания пустить вам пулю в лоб. Поднимите руки. – Савва посмотрел на Фофанова. – отошлите своих бодигардов, полковник, поговорим без свидетелей.

– Вы напрасно теряете время, – показал крупные желтоватые зубы начальник ФСБ Норильска; в глазах его не было страха, только незыблемая уверенность в своём превосходстве. – Других вариантов не будет. Либо вы с нами, либо труп. Уйти не удастся, за воротами мои люди, а вы один.

Словно в ответ на слова Фофанова за воротами послышался звук мотора подъехавшего автомобиля и резкий сигнал клаксона.

Мужчины застыли, переглядываясь.

– Кого там ещё... – начал следователь, не спеша выполнять приказание Саввы; в его глазах тоже не было страха.

Один из гулявших у ворот полицейских в штатском подошёл к калитке, открыл и отступил в сторону, оглянувшись на компанию у джипа; атаку Саввы он, похоже, не заметил.

– Товарищ полковник...

Его отодвинули в сторону двое вошедших с улицы парней в тёмно-серых костюмах. За ними на плиточную дорожку ступила молодая женщина в брючном костюме салатного цвета, и у Саввы перехватило дыхание: это была его жена Лилия! Правда, с другой причёской и не блондинка, а брюнетка.

– Что здесь происходит? – осведомилась она с любезной полуулыбкой, упруго, размашистым шагом, подходя ближе.

Высокие каблуки и обтягивающие бёдра брюки подчёркивали достоинства фигуры женщины. В руке она держала айфон, мельком заглянув на его экранчик, через плечо был перекинут ремешок чёрной сумочки. Короткая причёска, яркие зеленоватые глаза, яркие губы...

Савва выдохнул. Это была не Лилия, но очень похожая на неё женщина. До замирания сердца!

– Кто вы? – нахмурил брови Фофанов.

Незнакомка бросила взгляд на ворочавшегося на земле охранника, достала из сумочки удостоверение с малиновой корочкой и золотым тиснением, небрежно раскрыла перед полковником.

– Помощник секретаря Совета безопасности Виктория Шахова. Вы полковник Фофанов Арсений Саркисович, а вы, – она посмотрела на следователя, – заместитель председателя Законодательного собрания Северного федерального округа Тогоев Убыр Сулейманович. Что здесь происходит, господа?

Савва сунул пистолет Фофанову.

– Благодарю за содействие, полковник. Было очень приятно с вами познакомиться. – Он глянул на помощника секретаря Совбеза. – Я майор Савва Бекасов, Управление «А» ФСБ, отдел «спирит».

– Я знаю, – кивнула Шахова невозмутимо.

– Мы тут... э-э... немного поспорили. Разрешите, я вам всё объясню лично?

– Вы в курсе происшедших здесь событий?

– Да.

– Садитесь в мою машину.

– Э-э... позвольте, – очнулся следователь, которого помощница секретаря Совбеза назвала Тогоевым. – Какое вы имеете право вмешиваться в...

– Имею, – с улыбкой перебила его Шахова. – Дело Голубенского заинтересовало моё непосредственное начальство, оно теперь, то есть дело, на контроле президента. Соответствующее решение принято. Майор Бекасов как раз исполняет это решение. Ещё вопросы?

– Мы полагаем, что он... – откашлявшись, начал Фофанов.

Шахова перевела взгляд на полковника, потом на встающего с плит тротуара парня, которого уронил Савва.

– Я разберусь. К вам у меня тоже есть вопросы, встретимся в вашей резиденции на Пятидесятилетия Октября, если не ошибаюсь. А теперь прошу проинформировать меня по деталям инцидента. Покажите, где и как это случилось.

Тогоев кинул многозначительный взгляд на Фофанова.

– Хорошо, идёмте, – сказал начальник ФСБ Норильска, глянул на своих подчинённых. – Двое со мной.

– Мне не нужны ваши провожатые, – пренебрежительно сказала посланница секретаря Совбеза, подчеркнув интонацией слово «ваши». – Лёша, осмотритесь, остальные со мной.

Плечистый блондин с подбритыми висками поднёс к губам руку с часами, что-то тихо проговорил.

Савва хотел предложить женщине (ну, копия жены, ей-богу!) свои услуги, но она его опередила:

– Майор, в машину.

– Слушаюсь, – кивнул он, помедлив. Проводил взглядом зашагавших к коттеджу Фофанова, Шахову и её двух сопровождающих, встретил тёмный взгляд Тогоева, развёл руками:

– Все мы под богом ходим. Кстати, а разрешение на оружие у вас имеется, господин депутат? Вы так и норовите сунуть руку под пиджак. Или там вовсе не пистолет?

Губы Тогоева побелели. Но отвечать он не стал, смерил Савву нехорошим взглядом, круто развернулся и поспешил за компанией, скрывшейся в коттедже.

– Идёмте, товарищ майор, – вежливо пригласил Бекасова парень по имени Лёша.

– Лучше присмотри за этим, – кивнул на Тогоева Савва. – Не нравится он мне, да и вооружён не по чину. Я сам дойду до машины.

Лёша озабоченно оглянулся.

Глава 7

С небес на грешную землю

Расследование инцидента с нападением на усадьбу Архангела ничего не дало. Вывод, сделанный бригадой Следственного комитета Службы Защиты Царцаха, был лаконичен: агрессивно настроенные молодые обитатели Равнины из касты сервов-изгоев захватили модуль охраны правопорядка и, находясь под влиянием спайс-тумаников, решили похулиганить. После чего были уничтожены.

Архангелу вывод не понравился. Он был уверен, что ни о каком хулиганстве речь не шла, за ним устроили охоту, и причастен к нападению, как бы ни хотелось в это не верить, был коллега по иезоду контроля Само Совершенство.

На другой день после окончания расследования Архангел решил встретиться со своим приятелем-геймером по имени Делл, отвечающим за коррекцию природных ресурсов метареальности Земли. Обязанности геймеров были достаточно чётко распределены по физическим, природным, силовым и социальным полям контроля, и если Архангел оперировал сразу несколькими зонами влияния, то геймеры рангом ниже принимали участие в игре только в пределах доступных им уровней. Игровая метареальность была так сложна и многодиапазонна, что в развёртке новых узлов влияния и контроля над ними требовалось участие не одного-двух геймеров, а по крайней мере тысячи, отвечающих за разные аспекты человеческого бытия.

Делл – при рождении его называли Кримлом (Кричащим Младенцем), но после совершеннолетия он взял имя Деловой Любитель (Архангел тоже не родился Амазоном, в инкубаторе ему дали имя Тисап (Тихий Сапиенс), и лишь достигнув возраста выбора профессии он стал Амазоном – Арбитром-Мажором Зоны; Архангелом его звали друзья и приятели. Высокий, смуглолицый, предпочитавший носить свободного кроя хитоны, расшитые оранжем и перламутровыми перьями, Делл усадил гостя в уголке рума отдыха и окружил его гигантским лесом с деревьями невероятных размеров и форм. Архангел навещал приятеля не раз, поэтому тот знал эстетические пристрастия сенатора, создавая приятные для него ландшафты. То же самое касалось и чувственных удовольствий: стол выдал традиционный для гостя набор напитков, от изумрудного цвета шипучки тарх-ун до голубого слэш-травника; сам хозяин предпочитал тягучий янтарный мескалитэ.

Сделали по глотку, смакуя вкус напитков.

– Проблемы? – поинтересовался Делл.

– Увы, – признался Архангел со вздохом.

– Конфликт интересов?

– Вроде того.

– Само Совершенство не любит соперников.

– Я ему не мешаю.

Геймер усмехнулся, покачал пальцем.

– Мешаешь, друг мой, и ты это знаешь. Хочешь добавить новый конфликтный узел?

– Хочу избежать многочисленных жертв.

– Но ведь это игра, её обитатели – всего лишь подпрограммы...

– Обитатели метареальности – люди, имеющие те же характеристики, что и мы с тобой. Они ограничены матрицей, это правда, но они живые субъекты! К тому же они имеют большой творческий потенциал, поскольку создали своё игровое пространство – Интернет и играют с не меньшим азартом, чем мы. Нельзя относиться к ним как... – Архангел поискал формулировку, – к предметам обихода. Я не стремлюсь к активации конфликтного узла, но прошу

всех играть по общим правилам. Я же не предлагаю подвесить над Землёй ещё один спутник? Или уничтожить какую-нибудь из планет, как это случилось во время предыдущей смены.

Архангел имел в виду развитие программы земной метареальности, претерпевшее не один апгрейд. В самом начале включения Земля не была круглой и вообще планетой в общепринятом смысле. Она была плоской и покоилась на спине гигантской черепахи, которая в свою очередь опиралась на трёх слонов. В процессе развития игрового поля родина человечества пережила несколько трансформаций, пока не стала одной из планет Солнечной системы, сначала одинокой, потом получила спутник – Луну. Да и сама Солнечная система изменялась не раз, то обрастая планетами, то теряя их, как Фэтон и Немезиду, и галактики меняли очертания и количество звёзд, и структура пространства – вакуум.

– Всё равно ты рискуешь, – сказал Делл.

Архангел поморщился.

– Кто не рискует, тот не пьёт тарх-ун.

Делл весело рассмеялся.

– Я тоже люблю рисковать, но не настолько красив, чтобы мне это прощали. Хочешь совет?

– За этим и пришёл.

– Возьми отпуск, отдохни на Голубых Лагунах или на других долинных курортах, на Мимасе, к примеру, или на Флоре. – Делл небрежно повёл рукой на гигантские стволы деревьев. – Это оттуда. Я был там, прекрасные места, почти не обжитые.

– Тогда кто-то другой полностью переделает матрицу.

– Тебя это беспокоит? Почему?

Архангел допил шипучку. Голова прояснилась.

– Может быть, я напрасно паникую... однако лучше перебдеть, чем недобдеть, как выражаются мои подопечные. Я предпринял кое-какие шаги...

– Зонд? – понимающе прищурился Делл.

Архангел кивнул. Речь шла о программе эмиссара, внедрённой в пси-сферу кого-то из людей.

– Посмотрим, что получится. В принципе, я и сам готов сыграть роль зонда, если конфликт выйдет за пределы правил.

– В таком случае ты нарушишь законодательную этическую базу Искона. Мы можем изменять ситуации на Земле и вообще в метавселенной, но только используя местные носители подпрограмм.

– Боюсь, этот запрет не остановит моего коллегу. А противопоставить его замыслу я могу только волю.

– Он не один, за его спиной стоит кто-то повыше и посильнее.

– Вот я и выясню – кто. – Архангел налил себе ещё тоника, протянул бокал приятелю, и они чокнулись.

Глава 8

Продолжение банкета

Звонок мобильного айкома разбудил его в семь утра.

Тянуться к тумбочке было лень, и Савва пробормотал сполусонья:

– Ответь!

Его новомодный гаджет связи, оформленный под браслет с часами, выполнявший и множество других функций – от показа времени до выхода в Сеть через вай-фай, послушно выдул из кругляша часов призрачный пузырь объёмного экрана с изображением абонента. Звонил Кеша Рудницкий, приятель, с которым Савва познакомился четыре года назад на презентации инновационных технологий в сфере связи, где Иннокентий демонстрировал новый отечественный айком, а Савва был делегирован на выставку гаджетов от своего ведомства. С тех пор они встречались довольно часто и дружили, несмотря на то что Кеша был на три года моложе Бекасова.

– Пора вставать, – заявил он жизнерадостно; вихрастый, в квадратных, на пол-лица, очках, он был похож на абитуриента математического вуза, хотя на самом деле пять лет назад окончил МИФИ, а точнее – НИЯУ, как теперь назывался институт, – научно-исследовательский ядерный университет, – и в настоящее время работал в Сколково – руководил лабораторией перспективных радиофизических исследований.

Кроме того, Кеша в качестве хобби создавал теорию «фундаментального моделирования всего сущего», будучи уверенным в том, что при достаточной вычислительной мощностии современных компьютеров можно смоделировать не только любой физический процесс, но и Вселенную. При этом он утверждал, что человечество живёт именно в такой Мета вселенной – «смоделированной» в каком-то «божеском» суперкомпьютере, и собирался в скором времени не только доказать правильность своих выводов, но и связаться с создателями «модели». Для этого он с помощью учёных московского курчатовского ядерного центра запустил на сколковском суперкомпьютере программу, которая воспроизводила поведение двадцати миллионов галактик, заключённых в куб со стороной в два миллиарда световых лет, от Большого взрыва по сегодняшний день. Проект назвали Миллениум Эо, он был одобрен экспертным советом инновационного центра и, по утверждению Кеша, способствовал воссозданию картины «младенческого» возраста Мироздания.

Вдобавок ко всему научные интересы Кеша не заканчивались моделированием Мироздания, он конструировал какое-то устройство мгновенной связи – УМС, ласкательно – умсорик, и занимался теорией радужной гравитации, «вписывая» в неё теорию струн, теорию квантовой гравитации и общую теорию относительности, собираясь доказать существование некоего единого Замысла, который мог объединить все существующие физические теории в одну структуру.

– Сегодня воскресенье, – простонал Савва, которому пришлось лечь в третьем часу ночи после возвращения с Ямала.

– Я тебя ненадолго отвлеку, – не обратил внимания на тон приятеля Кеша. – Помнишь, я дал тебе перстень?

– Ну?

– Он с тобой?

Савва повернул голову, заметив, что жена начала ворочаться, с трудом вспомнил, о чём идёт речь.

Иннокентий давно собирался создать умсорик, опираясь на теорию упругой квантованной среды, и даже пытался доказать начальству перспективность разработки, но тему в план

лаборатории не поставили, слишком много у неё оказалось недоброжелателей и скептиков, и Кеша занялся умсориком самостоятельно. Перстень, о котором он напомнил другу, являлся «индикатором вакуумных осцилляций», по-простому – маячком, отзывающимся на запуск УМСа световой вспышкой. Кеша дал его Савве месяц назад и вот решил проверить, не забыл ли майор о подарке.

– Я его не ношу на пальце... в столе лежит.

– Вытащи.

– Зачем?

– Я буду запускать умсорик. Заметишь вспышку – засеки точное время.

– А позже нельзя это сделать?

– Ты что, старик, это же эпохальное событие! Я шёл к нему десять лет! Оно ж на Нобелевку тянет!

– Выпей рассольчику, успокойся.

– Я не алкаш, – не обиделся Кеша. – Короче, вытащи маячок и жди. Я живу в Мытищах, ты в Видном, между нами около тридцати пяти километров, посмотрим, как быстро долетит сигнал.

Савва окончательно проснулся.

– Тут же другая аппаратура нужна. Даже если сигнал будет лететь со скоростью света, он домчится ко мне... – Савва прикинул цифры, – за одну десятитысячную долю секунды.

– Какая скорость света, о чём ты говоришь? – возмутился Кеша. – Нелинейная квантовая «расшнуровка» поляризует весь вакуум мгновенно! Даже если ты будешь жить на Марсе!

– Не буду.

– ...И вообще неважно, где ты будешь, – закончил Иннокентий, пропустив мимо ушей замечание Саввы. – Хоть на другом конце света. Так что давай, не ленись, вставай и готовься. Я включусь минут через пять.

Пришлось подниматься, искать перстень и настраивать в айкоме хронометр, точно показывающий текущее время.

– Кто звонил? – сонно спросила Лилия.

– Кеша, – ответил Савва, помяв лицо руками.

Квадратик чёрного стекла на массивном циркониевом перстне вспыхнул оранжевым светом в семь часов тринадцать минут двадцать шесть секунд. И тотчас же зазвонил мобильный:

– Ну, что, загорелось?!

Савва засмеялся.

– У кого-то в заднице загорелось.

– Я серьёзно! Получил сигнал? Индикатор сработал?

– Была вспышка ровно в семь часов тринадцать минут.

Изображение головы Кеша в трёхмерном яйце мобильного телефона издало тихий вопль:

– Ура! Я гений! На моих командирских те же цифры! А эти лузеры не хотели брать мою идею в разработку! Дуралеи! Пусть теперь кусают локти! Время одиночек прошло, – передразнил он кого-то, – всё решают творческие коллективы, одна голова – это плохо... Одна голова – моя – залог успеха!

– Вообще-то голова с туловищем лучше, – осторожно возразил Савва.

Кеша снова не обратил внимания на его реплику, потряс над головой кулаком.

– Мир скоро узнает обо мне! Люська обрыдается, когда узнает, только я не прощу!

Люськой звали подругу Кеша, которая ушла от него в начале августа, не выдержав его образа жизни: если в работе Рудницкий являл собой абсолютный порядок и точность, то в личной жизни это был человек хаоса, никогда не знавший утром, где его носки, а то и трусы.

– Приезжай ко мне, я тебе кое-что покажу, – закончил изобретатель умсорика. – Заодно отпразднуем победу, шампанского выпьем. Мне Женька Шилов позвонил из Штатов, он там

живёт, я и ему дал приёмник, впихнул чип умсорика в ручку-фонарик, пишет по имейлу – сработал маячок.

Савва собирался отоспаться до обеда, потом съездить к маме в Подмоскowie, но горячности Кеши уступил.

– Хорошо, гений-одиночка, буду часа через два.

– Чего он от тебя хочет? – тем же сонным голосом спросила жена.

– Хочет похвастаться умсориком, он его доделал.

– Чем? – проснулась Лилия окончательно.

– Кеша создал устройство мгновенной связи, назвал его УМСом, или умсориком.

Он фанат своих разработок, а похвастаться некому. Придётся ехать.

– Кофе сварить?

– Спи, я сам.

Савва посмотрел на умиротворённое лицо жены, вспомнил последнюю встречу с Викторией Шаховой, помощницей секретаря Совбеза, безумно похожей на жену почти во всех деталях, кроме цвета волос.

Встреча состоялась в гостинице Норильска «Белый медведь», построенной недавно по отечественной технологии из вспененного базальта. До этого Савва дважды беседовал с Шаховой, и оба раза – в её машине, синем «Хундае», принадлежащем местному отделению МЧС. Обсуждали причину убийства Голубенского, организацию убийства и тех, кто за ним стоит.

Савва признался, что ему сделали предложение присоединиться к команде, «радеющей за светлое будущее человечества», которую возглавляли норильские силовики, и Шахова ответила, что проблема шире, чем кажется на первый взгляд. За Фофановым стоит более мощная структура, чем ФСБ, начавшая охотиться за нефтяниками, отчего цена на нефть резко пошла вверх. На вопрос Саввы: кому это выгодно? – помощница секретаря Совбеза ответила с понимающей улыбкой:

– В первую очередь – России, у нас теперь намечается профицит бюджета. Во вторую очередь – Китаю, в третью, как ни странно, Соединённым Штатам, у которых образовался большой запас нефти в подземных нефтехранилищах. Но вообще-то проблема не упирается в экономику и финансы. Кто-то действительно хочет изменить реальность, направить человечество в космос и развить иные технологии.

– Цель благородная, – скептически скривил губы Савва, – если бы не методы её достижения. Если руководит всем не секретная государственная служба и не американское ЦРУ, то кто?

– Выясним, – коротко ответила Шахова.

Каждый раз, когда она обозначала улыбку, сердце Саввы давало сбой, до того женщина походила на жену, и он даже спросил, не имеет ли она родственницу по фамилии Калашникова; такую фамилию носила до замужества Лилия. Шахова ответила, что не имеет, и разговор на этом закончился, хотя у Саввы осталось странное ощущение, что она чего-то недоговаривает.

Спросил он «копию жены» и о том, почему она заявила Фофанову о поручении президента, якобы данном Савве, на что Шахова с той же улыбкой, от которой его продирали мороз по спине, ответила:

– Нужен был весомый довод, чтобы спасти вас от расправы, вот я его и нашла. Кстати, на эту тему мне хотелось бы с вами поговорить.

После этой встречи Фофанов и Тогоев исчезли с горизонта, прекратив вылазки на дачу Голубенского и преследование Саввы. Как оказалось впоследствии, начальник УФСБ Норильска внезапно слёг в больницу с синдромом раздвоения личности, а Тогоев улетел за границу, и след его потерялся.

В ресторане гостиницы Шахова конкретных бесед не начинала, пригласила майора к себе в номер и уже после этого завела серьёзный разговор. Первый вопрос Савву озадачил.

– Вы удовлетворены своим положением в конторе? – спросила женщина.

Савва удивился, но виду не подал.

– Этот разговор прошу начальству не передавать, – добавила она, показав красивые белые зубы.

– Я понял, – ответно улыбнулся он, с трудом отведя взгляд от полных, красивого рисунка, губ хозяйки номера. – В принципе, работа интересная...

– Да или нет?

– Да... – Он подумал, хмыкнул: – Приходится изучать естественные науки, массу материала, чтобы разбираться в поступающей информации. Я уже второй год работаю в «спирите», начинал с исследования НЛЮ и подводных аномальных явлений, теперь изучаю эзотерику, паранормальные процессы и пси-феномены. Почему это вас интересует? Я имею в виду – моё положение в конторе?

– Я вам говорила: проблема с ликвидацией нефтяников глубже, чем видится из начальственных кабинетов. Фофанов не успел сообщить, кто за ним стоит?

– Нет.

– Жаль, это надо знать непременно. Не хотите перейти в мою контору?

– Что? – растерялся Савва. – В вашу?!

– Совбез имеет собственную обслуживающую структуру и собственную охрану. Я аналитик, возглавляю отдел подготовки информационно-аналитических материалов о деятельности федеральных органов власти, вы начнёте работать со мной.

– Охранником? – улыбнулся он.

Шахова бросила на него красноречивый, со смешинкой в глубине, взгляд.

– Поскольку вы не из тех, кто готов отдать жизнь за ночь с женщиной, как поётся в песне, то я предлагаю вам должность начальника внутренней службы безопасности.

Савва сел прямее, ему стало жарко. Решил пошутить:

– Это что-то новое – служба внутренней безопасности Совета безопасности. Крышующая крыша...

– Речь идёт о серьёзных проблемах.

– Почему вы думаете, что я не из... тех мужчин?

Шахова рассмеялась.

– Я знаю вас лучше, чем вы себя. Пришлось изучить ваше досье, прежде чем делать предложение.

– Понятно, – пробормотал он. – Неужели не нашли компромата?

– Если бы нашли, мы с вами не увиделись бы. Что скажете?

– Не знаю... неожиданное предложение, надо поразмыслить. Странно, что Совбезу требуется собственная служба безопасности.

– Мир меняется не в лучшую сторону. Приходится заниматься и охраной сотрудников.

– Не царское это дело. Для охраны существует множество разных специальных структур.

– Иногда очень серьёзные проблемы начинаются с простой болтовни на работе. Наша система защищает страну от дестабилизации наравне с вашей конторой. На моих глазах вирус глобального контроля над умами и психикой людей всё глубже проникает в нашу жизнь и плоть, а мы ничего не можем ему противопоставить. Люди по сути стали зомби чьей-то программы контроля, неужели вы откажетесь нейтрализовать этот вирус?

Савва задумался.

– Вместе с нами, – добавила Шахова.

Савва молчал, думал.

– Вместе со мной, – с преувеличенной кокетливостью улыбнулась помощница секретаря Совета безопасности.

Савва покачал головой, пытаясь отстроиться от колдовских чар «копии жены».

– Я подумаю. Не торопите меня. Хотя уверен, что меня не отпустят.

– Пусть вас не беспокоит эта проблема. Карташову не отказывает даже президент. – Она имела в виду секретаря Совбеза. – Чаю хотите?

Он хотел сказать «нет», но сказал «да». После чего они посидели ещё четверть часа, обсуждая подробности инцидента с Голубенским, и разошлись.

На следующий день Шахова уехала, не попрощавшись, а Савва полетел на Ямал, чтобы разобраться с убийством владельца компании «Ямалнефть» Вячеслава Феллера, и только в воскресенье двадцать второго июля вернулся в Москву. Мысль о переходе в Совбез окончательно созрела ещё в аэропорту, но по телефону озвучивать её Старшину не хотелось. Шаг был серьёзный, вёл к непредсказуемым последствиям и полковника наверняка должен был огорчить.

Савва умылся, стараясь не шуметь, сварил кофе, выпил чашку и спустился во двор дома, огороженный жильцами, чтобы на его территорию не заезжали машины с улицы. Ограда была закончена в прошлом году, и с тех пор проблем с парковкой у владельцев квартир не существовало.

* * *

Жил Кеша Рудницкий в десятом микрорайоне Мытищ, на улице Лётная. Его двухкомнатная квартира, принадлежащая ещё деду, располагалась на последнем этаже старой двадцатидвухэтажки, и с её балкона были видны трубы ТЭЦ-27 «Северная».

Савва, тепло одетый (конец июля в Москве выдался не по-летнему сырым и холодным), – оставил свой «Ягуар» во дворе дома, поднялся на двадцать второй этаж, позвонил в дверь.

– Входи, – разрешила дверь голосом хозяина, посмотрев на него глазком телекамеры.

Вопреки неказистому виду всего дома, возраст которого перевалил за три десятилетия, квартира Рудницкого представляла собой «умную жилплощадь», оборудованную по всем современным технологиям системами жизнеобеспечения. Кеша сам приложил руку к их установке, сменив интерьеры квартиры после смерти родителей, превратил спальню в рабочий кабинет, и теперь глаз гостя то и дело наткался в прихожей и гостиной на углы подстраивающейся к эмоциям жилья мебели, на огни подсветки, на узор меняющегося рисунка плит пола и на выбегающих из-под плинтусов, диванов, столов и шкафов металлических «насекомых» – роботов-уборщиков.

– Кеша, – окликнул физика Савва, не решаясь снять обувь. – Они не кусаются?

Стены прихожей посмотрели на него недовольно. Квартирная автоматика была настроена только на голос владельца и на громкий голос гостя отреагировала как собака, готовая защитить хозяина.

– Проходи, я в кабинете, – ответил Рудницкий. – Тапочки тебе подадут.

Савва посмотрел на шестиного величиной с кулак, похожего на паука и черепашку одновременно. Он тоже жил в квартире с удобствами, но таких роботов не имел.

– Тапки.

Механизм затрясся, молнией метнулся к шкафчику с обувью, выхватил тапки и поставил перед гостем.

– Молодец!

Механизм снова затрясся и юркнул куда-то, как самый настоящий паук или таракан.

Савва снял куртку, нацепил тапки, прошлёпал в спальню, превращённую Кешей в нечто напоминающее телемастерскую и компьютерный терминал.

Хозяин, в красной майке с изображением телебашни и надписью МТС, в шортах и меховых тапках, взмахнул рукой.

В комнате зазвучал марш победителей:

– Та-а, да-да-та-та-та-та-та-та-та-та-та-та-та, да-а-да-а-да-да-да-дам!

Хлопнула пробка, вылетая из бутылки шампанского.

Небритый по крайней мере трое суток Кеша налил вино в бокалы.

– За победу!

– Я за рулём.

– Ничего, у тебя ксива чекиста, не остановят.

Они чокнулись.

Кеша в три глотка осушил бокал. Савва сделал глоток, поискал глазами место, где можно было бы сесть, и Рудницкий смахнул рукой с диванчика грудку дисков и прозрачных коробок.

– Садись!

– Ну и где твой умсорик?

– Любишься! – Кеша театральным жестом показал на конструкцию на столе, напоминающую изваяние скульптора-модерниста. – Фрактальная композиция «заворот кишок», объёмная реализация взаимодействий квантонов пространства. Генератор – вот этот ёжик внутри – сферически поляризует вакуум, который, насколько тебе известно, не есть пустота, а упругая квантованная среда, заполненная безмассовыми частицами – квантонами.

– Опустить подробности, – попросил Савва, благожелательно глядя на взволнованного изобретателя. – Ты уверен, что твоя рация передаёт сигнал мгновенно?

– Не передаёт – поляризует вакуум.

– Не уточняй.

– Уверен! Но это пока только первая демонстрация генератора. Он создаёт сферическую волну, которая пронзила нас, город, всю Землю и, возможно, Солнечную систему. А нужна векторная поляризация, и я уже работаю над фокусирующей системой, которая создаст самоподдерживающийся солитон.

– Фанатик! Говорю же – не уточняй, в отличие от тебя я не кандидат наук, а простой выпускник радиотехнического вуза, нашедший себя в контрразведке. С твоим УМСом всё понятно... если он работает.

– Не сомневайся! Маячок же сработал?

– Что ты собираешься делать дальше?

– Тестировать генератор.

– Как? Чтобы проверить его характеристики, нужно по крайней мере отправить маячок в космос, на Луну или подальше, на Марс.

– Согласен, нужны эксперименты. – Кеша налил себе ещё бокал шампанского, глаза его заблестели. – С Луной проще, Вовка Толпегов работает на космодроме Восточный, откуда сейчас наши начинают летать на Луну, я ему отдам маячок, он передаст кому-нибудь из космонавтов. А с Марсом сложнее. У тебя нет связей в Роскосмосе?

Савва покачал головой, забавляясь горячностью приятеля.

– Как мёд, так и ложкой. В Роскосмосе у меня никого, но у моего начальника Старшины дочка работает в центре подготовки космонавтов в Звёздном.

– Это здорово! – обрадовался Рудницкий. – Пусть поучаствует в процессе, родина его... и её не забудет. Но главное не в этом.

– Есть ещё и главное?

– Умсорик позволит доказать мою теорию.

– Каким образом?

– Ты же помнишь, с чего всё начиналось?

Савва сделал глоток шампанского; брют он не любил, как не любил всё кислое, но терпел.

– Ты в детстве начитался фантастики...

– Ерунда, хотя и сейчас почитываю, Головачёва уважаю, интересные идеи иногда предлагает, но идею о моделированных мирах подал ещё Платон, а философ Ник Бостром из Оксфорда лет пятнадцать назад заявил, что наши потомки смогут моделировать реальность. Вот я и зацепился, начал искать инфу, а теперь могу утверждать, что мы живём в смоделированной реальности.

– Докажи.

– Ты же не физик.

– Надеюсь, пойму, если обойдётся без формул.

– Ну, хорошо, я начинал с расчётов сильного ядерного взаимодействия, ещё не забыл, что это такое?

– Одна из фундаментальных сил природы наряду с тремя другими – слабым ядерным взаимодействием, гравитацией и электромагнетизмом.

– Хорошая память, – похвалил Савву Кеша. – Так вот, сильное ядерное взаимодействие объединяет элементарные частицы – кварки и глюоны, и для моделирования процессов нужны супермощные компы. Таких на Земле пока мало. Но они появятся, и мы сможем смоделировать не только физические процессы, но и всю реальность.

Савва сморщился, поставил бокал на пол.

– Кислятина... это когда ещё будет.

– Мощность компов увеличивается вдвое за три года, так что ждать недолго. Но опять же не это главное. Я уверен, что наш мир также кем-то смоделирован.

– Интересно, как ты это заметил? – скептически хмыкнул Савва. – Если мир смоделирован, то и ты тоже?

– Хороший вопрос, – восхитился Кеша. – Креативно мыслишь, майор. Все мои оппоненты задавали мне этот вопрос. Но модель потому и модель, что работает до какого-то предела точности, допуская погрешность. Вот я и взялся искать ту погрешность, так сказать, дефект первого рода.

Савва дотянулся до вазы с печеньем, взял парочку, подумав, что за руль ему теперь садиться нельзя. Если только он не просидит у приятеля часа два.

– Нашёл?

– Элементарно, Ватсон! Следи за мыслью гения! Единственный способ моделирования чего угодно – использовать объёмную сетку, которая делит пространство на крошечные клетки. Чем меньше клетка, тем модель точнее отражает реальные характеристики объекта. Но если моделирование определённого объёма производится на сетке с конечным шагом, по законам квантовой механики...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.